

ЛИОНЕЛЬ ДАНСТЕРВИЛЛЬ

БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ

ГРУППА «ДАНСТЕРФОРС» В БОРЬБЕ
ЗА БАКИНСКУЮ НЕФТЬ

В **1918** ГОДУ

Лионель Данстервилль

**Британская интервенция
в Закавказье. Группа
«Данстерфорс» в борьбе за
бакинскую нефть в 1918 году**

«Центрполиграф»

1920

УДК 94(4)"1914/19"
ББК 63.3(0)6

Данстервилль Л.

Британская интервенция в Закавказье. Группа «Данстерфорс» в борьбе за бакинскую нефть в 1918 году / Л. Данстервилль — «Центрполиграф», 1920

ISBN 978-5-9524-5450-7

Британский генерал-майор по воспоминаниям и дневниковым записям воссоздает подлинную историю действий вверенного ему экспедиционного корпуса, прибывшего в Баку в августе 1918 года. Раскрывает задачи, поставленные перед группой, которую по имени командира стали именовать «Данстерфорс», а также данные о численном и национальном составе солдат и имевшейся в их распоряжении техники. Повествует о сложном пути, протяженностью около 400 миль, из Персии на Кавказ по труднопроходимым горным районам через Асабадский перевал. Дает характеристику временного союза с отрядом казаков под руководством Л. Бичерахова и Центрокаспия, получившими к тому времени власть в Баку. Подробно рассказывает об участии в обороне Баку от турецких войск и отступлении из города. Книга содержит ценные сведения относительно общественно-политической ситуации в регионе. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(4)"1914/19"
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-9524-5450-7

© Данстервилль Л., 1920
© Центрполиграф, 1920

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Ворота приоткрыты	7
Глава 2. Увеселительная рекогносцировка	13
Глава 3. «Море! Море!»	23
Глава 4. Мы возвращаемся в Хамадан	33
Глава 5. Призрачный альянс	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лионель Данстервилль
Британская интервенция в
Закавказье. Группа «Данстерфорс»
в борьбе за бакинскую нефть

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

Предисловие

В течение долгого времени ходили не имеющие ни малейшего отношения к реальности рассказы о «Данстерфорсе», поэтому было бы полезно дать отчет о действительно имевших место событиях. Ни один из членов моего отряда не мог бы предоставить правдивого отчета ни о чем, кроме тех операций, в которых он лично участвовал, и это не дало бы никакого представления о предпринимаемых действиях и результатах миссии в целом; таким образом, сия задача возлагается на меня. Этот отчет написан по памяти и только с помощью чернового личного дневника. Поэтому я могу гарантировать только факты, допуская «округленные» и «приблизительные» цифры.

Попытка дать подробный отчет о различных операциях, предпринятых подразделениями отряда, вышла бы за рамки настоящей книги, и такие отчеты, дабы иметь реальную ценность, должны быть написаны теми, кто руководил отдельными экспедициями. Так, майор Вагстафф рассказал бы о Зенджан-Мианесском предприятии среди шахсаванцев, майор Старнс – об отношениях с курдскими племенами близ Биджара, майор Макарти – о персидских призывниках, полковник Мэтьюс – о боях возле Решта, полковник Кейворт – о боях в Баку и полковник Стоукс – о штабной работе в революционной армии.

Повествуя о различных эпизодах, не всегда есть возможность в полной мере отдать должное тем офицерам, которые способствовали успеху тех или иных предприятий или к чьей изобретательности и сообразительности можно отнести удачи в осуществлении определенных планов. Подобное признание можно найти в официальных отчетах, и читатель поймет, что, когда генерал пишет отчет о достижениях войск под его командованием, он не может полностью избавиться от повествования от первого лица и говорит «я и мой штаб» вместо того, чтобы в каждом случае добавлять имя какого-либо офицера, который подал блестящую идею.

Особенно хорошо работал не только мой штаб, но и все офицеры, которым были доверены различные задания и которым я желаю выразить свою глубочайшую благодарность.

Л.Ч. Данстервилль

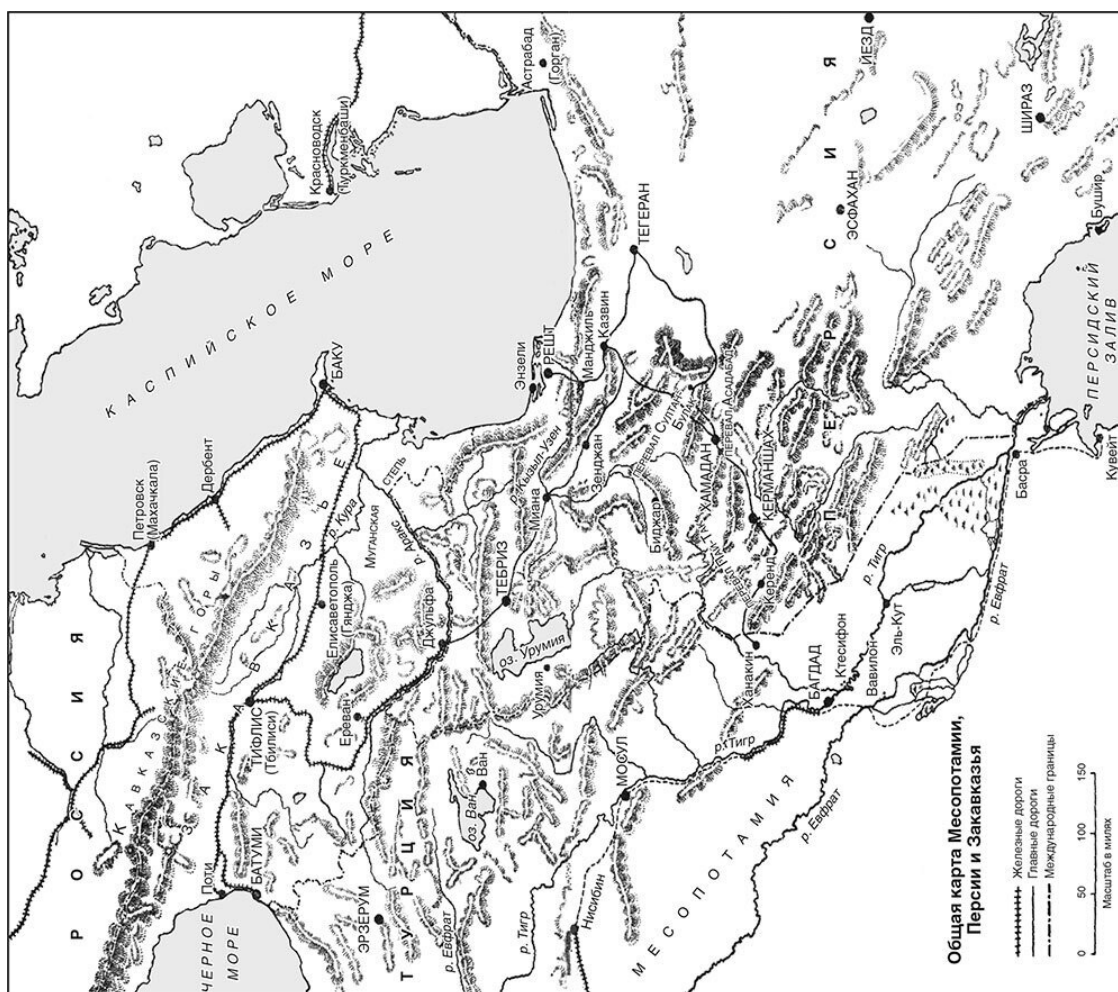
Глава 1. Ворота приоткрыты

История этих событий, охватывающих всю территорию, лежащую между Багдадом и Баку, по забавному совпадению изобилует неизбежными аллитерациями – буква «Б» означает и Берлин, и Батури, и Баку, и Бухару, и Багдад, и, если бы кто-то захотел проследить аллитерацию до конца, можно было бы добавить Византию (*лат. Byzantium*) для Константинополя. Таким образом, цель миссии, с которой мне было приказано отправиться на Кавказ в конце 1917 года, а также планы противника, приведшие к выполнению миссии, лучше всего можно кратко сформулировать именно под этой буквой алфавита.

Одним из важных пунктов в тщательно продуманных довоенных планах Германии по завоеванию мирового господства являлось поглощение Малой Азии и дальнейшее проникновение в Азию посредством железной дороги Берлин – Багдад. Когда в марте 1917 года Багдад был взят англичанами, а перспектива его отвоевания турками казалась весьма отдаленной, направление немецкого проникновения в Азию пришлось сместить дальше на север и выбрать очевидную линию Берлин – Баку – Бухара.

Не вызывало сомнений, что в этой последней схеме Южный Кавказ, Баку и Каспийское море будут играть существенную роль; и целью моей миссии стало предотвращение немецкого и турецкого вторжения в этот район.

Судьба распорядилась так, что как раз в то время, когда захватом Багдада англичане сорвали более южную германскую схему, развал России открыл путь для беспрепятственной немецкой кампании на северном направлении. До лета 1917 года русские войска держались стойко, хотя было очевидно, что процесс распада не за горами. Их рубежи простиралась от юга России, через Кавказ, Каспий и Северо-Западную Персию, где левый фланг русских соединялся с британским правым на границе Персии и Месопотамии, к востоку от Багдада. К осени 1917 года эта линия фронта неумолимо таяла, войска массово дезертировали, и целая армия объявила о своем намерении оставить позиции и вернуться домой.

Таким образом, турецкая армия, неосознанно действующая в окрестностях Эрзерума в качестве авангарда германских намерений, никого не обнаружила между собой и давно желанным Южным Кавказом, за исключением некоторого числа армянских войск, дезорганизованных, лишенных сплоченности и в равной степени пропитанных духом революции. Но поскольку линия турецкого наступления проходила через их дома, они были вынуждены оказывать сопротивление. Тифлис, столица Южного Кавказа, без серьезного сопротивления, скорее всего, должен был попасть в руки противника, и захват этого города дал бы турецко-германским армиям контроль над железнодорожной линией между Батуми на Черном море и Баку на Каспии, чрезвычайно ценными нефтяными месторождениями Баку, необходимыми минералами Кавказских гор и огромными запасами зерна и хлопка с побережья Каспийского моря.

Поскольку место конфликта находилось слишком далеко от любого из основных районов боевых действий – от Багдада до Баку целых 800 миль, – было совершенно невозможно отправить достаточное количество войск, чтобы совладать с ситуацией.

Единственный возможный, и весьма ограниченный, план состоял в том, чтобы отправить в Тифлис британскую миссию. Эта миссия, достигнув места назначения, должна была приступить к работе по реорганизации разрозненных частей русской, грузинской и армянской армий и восстановлению линии фронта против турецкого вторжения. Перспективы на будущее казались весьма многообещающими, а успех был бы не соразмерен числу занятых в процессе или связанным с ним затратам. Это выглядело заманчиво и вполне реалистично.

Честь командования миссией выпала на мою долю, и в январе 1918 года я отправился из Багдада вместе с передовой партией.

Позвольте мне сразу же заявить, что нам не удалось достигнуть своей первоначальной цели или хотя бы добраться до Тифлиса! Но история, которую я собираюсь рассказать, повествует о наших попытках доехать до этого города, а также других задачах, которые случайно выпали на нашу долю, и тех незначительных достижениях, которые, я убежден, имели немалую ценность для дела союзников.

Опираясь на основное повествование, читателю остается самому сделать вывод о значимости этих достижений, но я хотел бы привлечь внимание к тому факту, что немедленно после отказа от тифлисской схемы исходная первая партия из 12 офицеров и 41 солдата заполнила брешь в 300 миль дороги, которая была оставлена в Северной Персии эвакуирующимися русскими, и полностью застопорила все предприятия противника по этой линии, хотя дело и осложнялось угрожающей враждебностью нейтральных персов.

Прежде чем приступить к повествованию о событиях миссии, любопытно кратко рассмотреть тифлисскую схему.

С точки зрения противника, турками, несомненно, двигало страстное желание овладеть ценной территорией на единственном театре военных действий, где победы, словно спелые сливы, сами падали им в руки, и они могли в полной мере потворствовать своей давней ненависти к армянам, а отдельный солдат мог соблазниться богатой добычей, которая находилась в больших городах. Но турецкая армия в целом уже не выглядела такой хорошо организованной машиной, как в 1916 году. Войска устали, а их командиров больше не воодушевляла уверенность в окончательной победе – скорее угнетала крайняя вероятность обратного результата. Против такой армии легко было реорганизовать значительное количество грузинских и армянских войск, боевой дух которых во сто крат множился их решимостью не пустить ненавистного захватчика в свои дома.

Это последнее утверждение представляется настолько очевидным, что вполне могло быть воспринято как неизбежный результат. К сожалению, события доказали обратное! Революция до такой степени лишила людей мужества, что даже первобытный дух защиты домашнего очага, один из сильнейших инстинктов человека, в случае с выходцами с Южного Кавказа отсутствовал полностью.

Единственно возможным способом достижения успеха миссии было бы воздействие на чувство патриотизма и любви к дому. Может показаться невероятным, но такого чувства явно не существовало, и планы, основанные на нем, были обречены на провал; но подобное утверждение, разумеется, не означает перекладывание вины на тех, кто рассчитывал на наличие этого чувства. Дело в том, что в Тифлисе задолго до войны существовало то настроение, которое русские называли «прогерманской ориентацией».

При тщательной подготовке к этой великой войне немцы пустили в ход все средства, и Кавказ, Северный и Южный, был досконально изучен ими с учетом всевозможного развития событий.

Жители Тифлиса читали статьи в «Рейтер» и сравнивали их с победными реляциями немецкого радио: очевидно, что Германия выиграет войну. «Тогда зачем нам англичане, чтобы затягивать дело? Пусть турки захватят страну: мы надеемся, что победоносная и великодушная Германия защитит нас от турецких эксцессов и снова выгонит их, когда война закончится. Турецкое вторжение – лишь временное неудобство, от которого немцы впоследствии избавят нас». Таков, несомненно, был ход мыслей в Тифлисе, особенно среди грузинского населения. На задворках же армянского сознания никогда не исчезал страх неминуемой резни.

Подобное отсутствие духа национального самосознания является ярким примером крайней неуверенности, с которой сталкиваются те, кто призван решать военные вопросы. Некий фактор, который можно с уверенностью считать определенным, оказывается совершенно противоположным. Когда дело дойдет до финальной стадии обороны Баку от турок и станет ясно, что их любимый город, их личное богатство, их жены и дети ежечасно подвергаются опасности

попасть в руки врага и нет сомнения в неизбежности массовой резни – даже в такой момент сила духа, на которой только и могла основываться успешная оборона, так и не пробудилась. Несомненно, такое отсутствие отваги можно отнести на счет революции. Все факторы, составляющие то, что мы называем «мужеством», вдребезги разбиваются во время революции, и их место занимает тупая апатия, которая встречает все ситуации безнадежным вопросом: «А какая во всем этом польза?»

Таков был Южный Кавказ. Теперь рассмотрим то, что касается Персии.

Хотя Персия объявила о своем нейтралитете, с самого начала войны ее территория использовалась как русскими, так и турками, которые воевали друг с другом вдоль и поперек дороги от Казвина до Керманшаха, пока наш захват Багдада не предоставил русским беспспорное обладание этой территорией. Таким образом, в 1917 году русские удерживали дорогу, идущую на северо-восток от персидско-месопотамской границы до Каспийского моря. Турки, хотя и не выказывали намерения атаковать по этому направлению, все же держали на линии фронта достаточное количество войск – параллельно северо-западной русской линии, что требовало неустанного внимания к этому направлению.

С приходом большевиков к власти в ноябре 1917 года русские войска в Северной Персии начали отходить, и стало очевидно, что на правом фланге британской Месопотамской армии образуется брешь примерно в 450 миль, через которую турецкие и немецкие агенты и войска смогут беспрепятственно наводнить Центральную Азию.

Существовала надежда закрыть эту брешь, завербовав под британский флаг достаточное количество хорошо оплачиваемых добровольцев из рядов отступающих русских.

Предпринятые в этом направлении усилия потерпели полный провал.

Причины неудачи заключались в основном в том, о чем говорилось выше, – революционеры могут убивать, но не воевать. Немногочисленные завербованные люди оказались совершенно бесполезными, а революционные комитеты грозили смертным приговором любому, кто поддерживал движение; поэтому от него пришлось отказаться. По сути дела, брешь, возникшую в этой части линии фронта, фактически заполнили офицеры и унтер-офицеры миссии при обстоятельствах, о которых будет рассказано далее.

Теперь остается только дать очень краткое описание географии местности.

При выходе из Багдада в восточном направлении однообразная равнинная Месопотамия тянется примерно на 80 миль по прямой, пока не достигает персидской границы, практически совпадающей с подножием гор. Подступы к горам плавные, начинающиеся с обычных джабалов – предгорий, в которые постепенно переходит безжизненная равнина примерно за 20 миль до приближения к фактической границе.

Отсюда до Каспийского моря, на 400 миль по прямой, местность состоит из череды бесплодных гор и плодородных долин, линия параллельных хребтов тянется от северо-запада на юго-восток, тогда как дорога идет на северо-восток, каждый раз меняя направление под прямым углом. Перевалы находятся на высоте от 5000 до 8000 футов над уровнем моря, а общий уровень страны в пределах от 3000 до 7000 футов.

На перевале Так-и-Гири, через который путники из Месопотамии попадают на персидские нагорья, на склонах растет несколько чахлах дубов; это практически единственные дикорастущие деревья, которые можно увидеть до тех пор, пока мы не доберемся до горной системы Эльбрус, которая огибает южное побережье Каспийского моря. Миновав этот горный хребет через Манджилль, последние 70 миль вниз к морю Азия демонстрирует пример ярких контрастов, какие можно встретить только здесь. После более чем 300 миль гор, таких же бесплодных, как скалы Адена, местность вдруг переходит в страну, покрытую густым лесом, что производит эффект столь же ошеломительный, как внезапное перемещение с одной планеты на другую. Последние 20 миль этой дороги до взятого русскими в концессию иранского порта Энзели проходят по равнине с невысокими дюнами, представляющей собой часть моря, заиленную в

течение веков грязью, принесенной с хребта Эльбрус, и песком, нанесенным с моря северными штормами.

Бассейн Каспийского моря вобрал в себя всевозможные виды климата и температур, побережье демонстрирует разнообразие местности, населенной бесчисленными народностями, осколками канувших в небытие великих рас прошлого. Что касается климата, то порт Астрахань в устье Волги на самом севере моря зимой скован льдом, в то время как в окрестностях Энзели выращивают рис; бананы и пальмы пышно цветут на открытом воздухе, а зима характеризуется главным образом теплым морозящим дождем.

Местность на северо-западе, севере и большей части восточного побережья представляет собой равнину – либо травянистую степь, либо песчаную пустыню; на западе и юге возвышаются ответвления Кавказского хребта и величественной Эльбрусской гряды.

Основными расами, населяющими побережье, являются русские и казаки на севере, турки на востоке, персы и гилянцы¹ на юге, татары, грузины, армяне и дагестанцы на западе.

За исключением южного побережья, которое является персидской территорией, все море находится в пределах русской зоны, и на этом южном берегу, настоящем «винограднике Навуфея»², имеются главный порт и рыбные промыслы, образующие русскую концессию – и весьма ценную концессию. Дорога от порта до Тегерана и до Хамадана в равной степени является российской собственностью.

Судоходство на море весьма значительно, поскольку оно представляет собой своего рода обменный рынок икры и мороженой рыбы русского рыболовства, риса Гиляна, пшеницы и хлопка Туркестана на нефть Баку, хлопчатобумажные ткани и другие европейские товары, доставляемые по Волге в Астрахань. Там, где нефтяное топливо так дешево, а свирепые штормы так часты, не слишком много возможностей для парусных судов, зато флот просто огромен для такой маленькой области. Не имея доступа к официальным цифрам, мы подсчитали, что торговый флот на Каспии насчитывает около 250 судов водоизмещением от 200 до более чем 1000 тонн, некоторые из них, построенные в Англии, добрались до Каспия по Волге своим ходом.

Небольшая флотилия из трех миниатюрных канонерских лодок – «Карс», «Ардаган» и «Геок-Тепе» – господствует над волнами этого внутреннего моря и вполне способна поддерживать порядок там, где не может быть никакой оппозиции. Естественно, с самого начала революции этот флот обладал значительным весом в политике – главным образом с точки зрения финансового благополучия моряков. Примечательно, как охотно революционное правительство прислушивается к требованиям флота, когда резиденция правительства находится на морском берегу, а орудия кораблей держат на прицеле жизненно важные объекты.

Надеюсь, вышеизложенного весьма приблизительного описания политических событий, которые привели к решению направить миссию в Тифлис, и общего характера территории, пройденной в ходе операций, будет достаточно, чтобы дать читателю достаточное представление об обстановке.

Необходимо рассмотреть еще один вопрос – состав миссии. Ввиду особого характера задачи, с которой ей предстояло справиться, боевые подразделения не требовались. Ядро из примерно 200 офицеров и такого же числа унтер-офицеров должно было занять место командиров и инструкторов в реорганизованных подразделениях.

Эти офицеры и унтер-офицеры отбирались из всех подразделений и с различных театров военных действий: из Франции и Салоник, из Египта и Месопотамии, представляя главным образом канадские, австралийские, новозеландские и южноафриканские контингенты. Всех их

---

¹ Гилянцы – довольно многочисленные народности южного Прикаспия, языки которых не обладают в Иране никаким статусом и обычно рассматриваются как диалекты персидского языка, хотя генетически довольно далеки от него.

² «Виноградник Навуфея» – в переносном смысле – предмет вожеланий, цель, для достижения которой идут на преступления. Из библейской притчи Третьей книги Царств, 21.

выбрали за особые способности, и все они были людьми, которые уже отличились в боевых действиях. Не вызывает сомнения, что это была самая достойная группа людей из когда-либо набравшихся, а их командованием мог бы гордиться любой человек.

Но организовать силы оказалось непростой задачей. Если бы время не являлось столь важным фактором, было бы лучше всего сначала собрать их в каком-то определенном месте и лишь затем приступить к выполнению нашей задачи. Однако это было совершенно невозможно. Время служило главным фактором, и мне пришлось самому поторопиться с выходом, как только я смог собрать передовую группу из нескольких офицеров.

Остальная часть отряда прибыла партиями в течение следующих двух месяцев. Во всей своей полноте она никогда не собиралась в одном месте из-за различного характера обязанностей и огромной площади, на которой она действовала. Это само по себе являлось большой, но совершенно неизбежной помехой.

Вероятно, мое знание русского языка и известная симпатия к России во многом повлияли на выбор меня для этой задачи, но не следовало ожидать, что офицеры моей группы будут сплошь лингвистами: они ими и не были.

Имелось, однако, несколько человек, которым удалось немного овладеть русским языком в результате уроков, взятых на борту корабля по пути сюда, и парочка тех, кто мог изъясняться на вразумительном французском. Офицеры, изначально предназначавшиеся для штабной работы, оказались превосходно подобраны, среди них нашлось несколько человек, говоривших и по-русски, и по-французски.

Нашлись и такие, кто, имея происхождение из отдаленных уголков земли, были знакомы с языками племен, с которыми привыкли иметь дело, но такие языки, разумеется, мало походили на языки Азии или Европы. Однажды мне пришлось объяснить, что «цокающие звуки» языка зулусов не помогут овладеть персидским!

К этому костяку британцев добавилась великолепная группа присланных из Лондона русских офицеров, а позже ко мне присоединились еще несколько русских, бежавших от революции, чьи услуги оказались чрезвычайно ценными.

Пожалуй, для общего представления этого вполне достаточно. Я постарался прояснить стратегическую и политическую ситуацию, которая привела к отправке миссии: дал приблизительное описание территории, пересекая которую миссии предстояло испытать свои приключения, и представил персонажей, которые должны были принять участие в этих злоключениях.

Глава 2. Увеселительная рекогносцировка

24 декабря 1917 года, будучи командиром 1-й пехотной бригады на северо-западной границе Индии, я получил секретный приказ явиться в штаб армии в Дели, дабы приступить к особому заданию за границей.

Приграничные племена, которые в минувшем году весьма оживляли нашу жизнь, были утихомирены различными хитроумными приемами устрашения, которые сопутствуют современной войне, – боевые самолеты и бронемашины полностью лишили их мужества.

Мы уже начинали скучать и казалось, что нас занесло в какую-то глухую заводь, когда долгожданные приказы принесли возможность снова окунуться в поток событий.

Подготовка к отъезду заняла минимальное время, и после краткого пребывания в штаб-квартире армии в Дели с целью проведения совещания и подбора личного состава 6 января 1918 года я сел на корабль в Карачи, достигнув Басры – новой Басры с ее прекрасными застройками и милями пристаней – 12 января.

Утром 18 января я прибыл в Багдад, где доложился в главной штаб-квартире.

На данный момент я являлся единственным представителем своего отряда, и, хотя я терпеть не мог проволоочки, было очевидно, что дожидаться своих офицеров мне придется здесь. Даже если бы они и оказались на месте, определенной задержки было не избежать. Следовало рассмотреть некоторые планы, проконсультироваться с экспертами, привести в надлежащий порядок документацию и еще позаботиться о тысяча и одной вещи, которые имеют свойство неожиданно обнаружиться в подобных обстоятельствах.

В первую очередь требовалось оценить ситуацию и понять, какие трудности придется преодолеть. Для этого было необходимо изучить карты и свериться с последними разведданными из регионов, в которых мы будем действовать. В этом деле мне очень помог майор сэр Уолтер Бартелот, кавалер ордена «За боевые заслуги» из Колдстримской гвардии³, который недавно прошел всем этим маршрутом – пока русские продолжали удерживать его и до того, как их линия фронта развалилась. В это время капитан Голдсмит прибыл из Англии со специальной миссией, которая должна была состыковаться с моей, и я решил послать обоих этих офицеров на автомобилях на несколько дней раньше моего отряда, чтобы обеспечить нам снабжение бензином в конкретных пунктах пути.

Я рассчитывал, что спустя несколько дней смогу выехать с двенадцатью офицерами на автомобилях и фургонах Ford Touring.

Для группы из двенадцати офицеров и двух штабных клерков, которая в конечном счете составила передовую партию, требовалось четыре автомобиля и тридцать шесть фургонов – довольно много транспорта для такого немногочисленного подразделения на первый взгляд. Но фургоны были очень маленькие и легкие, а из пространства, доступного в каждом, следует вычесть место для необходимых пожитков водителя, а также кучи постельных принадлежностей, учитывая предполагаемые климатические условия. Кроме того, имелась значительная по весу масса денег в персидском серебре и английском золоте, офисные материалы, запасы медикаментов, резервные пайки и прочее имущество, неразрывно связанное с предприятием подобного рода.

Оценивая ситуацию, можно отметить, что довольно внушительный список составили следующие неблагоприятные факторы:

труднопроходимые дороги;

---

³ Колдстримская гвардия входит в состав гвардейской дивизии, пехотных полков британской армии. Это самый старый полк британской армии, находящийся на постоянной активной службе. Он был основан в Колдстриме, Шотландия, в 1650 г. генералом Джорджем Монком.

зимние бури;
вопрос нейтралитета персов – на этот период весьма сомнительный фактор;
враждебность курдов;
возможные проблемы с революционными русскими, особенно с большевиками;
известная враждебность дженгелийцев Гиладана на южном побережье Каспия;
провиант;
горючее.

Необходимо учитывать еще и следующее: дорога от Багдада до Ханакана длиной в 94 мили по твердой глинистой почве в сухую погоду была довольно хорошей; от Ханакана до Хамадана 240 миль крайне сомнительной дороги, улучшенной и приспособленной русскими для проходимости автомобилей, труднодоступной в хорошую погоду и непроходимой в плохую; от Хамадана до Энзели 267 миль по первоклассной дороге, проложенной русской дорожной компанией много лет назад и теперь, к сожалению, нуждающейся в ремонте.

В это время года, как сообщалось, часто бывали снежные бури, которые могли блокировать перевалы.

Недостаточная враждебность персов; трудно было чувствовать уверенность на их счет. Это факт, что местные жители были хорошо вооружены и крайне возмущены нашим вторжением. Хотя изучение персидского характера по всемирно известной книге «Хаджи-Баба из Исфагана»⁴ снижало опасность этой враждебности.

Совсем другое дело курды, расположившиеся к северу от дороги. Упоминание об обособившемся в высокогорных районах и занимавшемся прибыльным бизнесом дорожного разбоя народе вызывает благоговейный трепет у простых персов, хотя русские тоже относились к ним с большим почтением и явно переоценивали их свирепость. Во время пребывания русских на этой дороге отдельные потери от курдских налетчиков были довольно частыми. Курдов сравнивали с патанами⁵ северо-западного пограничья Индии, и если верить этому сравнению, то для миссии вырисовывались довольно мрачные перспективы.

Встреча с русской революционной армией, и особенно с большевистской ее частью, сулила непреодолимые препятствия, поскольку большевики, возмущенные отказом британского правительства от их признания, уже заняли резко антибританскую позицию.

Дженгелийцы Гиладана под предводительством своего грозного революционного вождя Кучек-хана могли стать еще большим препятствием на пути к успеху миссии. Мирза Кучек-хан, насильственным путем захвативший в свои руки управление всей страной Гиладан, через которую пролегали последние 70 миль нашего пути, принял жесткую программу против иностранцев, угрожавшую смертью и уничтожением всем белым людям, которые попадались ему на пути, и теперь в союзе с большевиками удерживал Энзели, единственный порт на Каспии, из которого мы могли надеяться отплыть.

Трудности подобного рода обычно рассеиваются, встретив решительное сопротивление, но даже в случае их успешного преодоления мы в конце концов высадились бы в порту Баку, где в это время царили большевистские и антибританские настроения, более сильные, чем в любой другой точке Кавказа.

Далее, вопрос о снабжении продовольствием 55 офицеров и солдат, несомненно, оказался бы непростым в голодной и опустошенной войной стране в разгар зимы; и, наконец, вопрос о снабжении топливом был чрезвычайно сложным и, естественно, являлся ключом ко всей ситуации, поскольку каждая пинта бензина должна была поступать из Багдада, и про-

---

⁴ «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана» – авантюрный роман о головокружительной дипломатической карьере плута и пройдохи брадобрея Хаджи-Бабы был написан в 1824 г. Джеймсом Мориером, потомственным английским дипломатом и знатоком Востока.

⁵ **Патаны** – индийское название афганских племен пуштунов, живущих в северо-западной части Пакистана.

блема, таким образом, с каждой пройденной милей дороги возрастала в геометрической прогрессии.

Риск срыва поставок бензина был очень велик, но в итоге подобного не случилось. Из Багдада в Керманшах, где нам встретился первый русский отряд, мы везли свой бензин, заправившись в последнем полевом лагере в 150 милях от Багдада. Начиная с Керманшаха нам помогали русские власти.

Майор Бартелот и капитан Голдсмит отбыли 24 января с эскортом из одного легкого броневедомокола под командованием лейтенанта Сингера, получив приказ следовать до самого Хамадана, обеспечить снабжение горючим и ждать прибытия моей группы.

Риск проникновения на курдскую территорию столь незначительного отряда мог оказаться весьма серьезным, однако моральный эффект наличия броневедомокола огромен, а наступление зимы заставило большинство курдов спуститься в долины на месопотамской стороне.

К 26 января мой отряд вырос до четырнадцати человек, и наконец настал момент, когда можно было начинать. За эти дни ожидания мне приходила в голову мысль: а не лучше ли мне было бы отправиться в Хамадан одному, чтобы ближе познакомиться с местными условиями и начать собирать информацию. Но я отказался от этого плана по двум причинам. Во-первых, потому, что это затруднило бы связь с Лондоном и оставалось много важных второстепенных моментов, которые следовало решить; а во-вторых, потому, что, возможно, долгое пребывание в Хамадане привлекло бы внимание к миссии и дало нашим многочисленным недоброжелателям достаточно свободного времени, чтобы спланировать неприятности для нашего дальнейшего передвижения.

Я телеграфировал домой, что решил остаться в Багдаде до тех пор, пока не соберется небольшая группа офицеров, а затем без остановок направиться в Энзели, оттуда прямо на корабле в Баку, куда, если все пройдет гладко, прибуду примерно через двенадцать дней – прежде, чем успеет созреть какой-либо из планов противника остановить нас. Теоретически идея безостановочного путешествия выглядела превосходно; на самом же деле в конечном итоге путешествие оказалось сопряжено больше с остановками, чем с продвижением.

Злейший враг солдата или лучший его друг – погода – с самого начала обернулась против нас и положила конец всему, что связано с быстрым передвижением.

Наконец, в 7 часов утра 27 января сорок один автомобиль марки «Форд» выстроились у стен Багдада в ожидании сигнала к отправлению. Я выбрал для сопровождения следующих офицеров: капитана Деннинга – адъютанта, подполковника Дункана – адъютанта-квартирмейстера, капитана Сондерса – офицера по общим вопросам, Сторка – капитана штаба, капитанов Хупера, Джексона и Аннета – от пехоты, артиллерии и кавалерии, майора Бранскилла и капитана Джона – медиков; капитанов Кэмпбелла и Олдхэма – от снабжения и транспортных средств и сержантов Раутледжа и Уотсона в качестве штабных клерков.

Для боевых целей мы могли выставить 41 стрелка, включая водителей, и у нас имелся один пулемет Льюиса, под началом капитана Хупера.

Выехав точно вовремя и при хорошей погоде, 94 мили до Ханакина мы покрыли без излишних задержек. Но даже при таких благоприятных условиях на преодоление этого расстояния потребовалось десять с половиной часов. Поскольку в таких обстоятельствах крайне важно не давать колонне растягиваться, все автомобили должны периодически останавливаться, пока ремонтная машина в хвосте колонны не догонит нас и не сообщит «все в порядке». Таким образом, задержка, которую следует учитывать при передвижении 41 автомобиля, примерно в 41 раз превышает среднюю задержку при путешествии на одном автомобиле. Можно считать, что день удался, если средняя скорость колонны составила около 10 миль в час.

С момента моего прибытия в Багдад погода стояла неизменно хорошая, но вряд ли можно было надеяться, что небо и дальше останется чистым. И действительно, по мере приближения к

горам над далекими вершинами сгушались тучи, и все указывало на наихудшую из возможных погоду, что полностью подтвердилось в ближайшие несколько часов.

С комфортом проведя ночь в разрушенном турецком здании в Ханакине и весьма радушно принятые тамошним британским гарнизоном, 28-го мы снова отправились в путь длиной в 61 милю до Пай-Так, достигнув нашей цели после почти десятичасового пробега при сильном ветре, сопровождаемом мокрым снегом. Из-за плохих дорог, отвратительной погоды и задержек для ремонта мы делали в среднем всего 6 миль в час. Дождь начался почти сразу же, как мы выехали из Ханакина, и вполне оправдал вчерашние мрачные пророчества.

Деревня Пай-Так у подножия перевала Так-и-Гири предоставила нам своего рода убежище на ночь. В ходе боевых действий в течение двух предыдущих лет эти жалкие деревушки вдоль всей дороги то и дело разрушались то русскими, то турками. Оставшиеся несчастные жители бродили, изможденные голодом, среди развалин и со слезами взирали на появление очередной группы захватчиков, теперь уже другой национальности. Скоро они узнают, что вновь прибывшие не разрушители, а восстановители.

От Пай-Так следующий этап продвижения должен был привести нас в Харунабад, однако, отправившись в путь 29 января, мы лишь ко 2 февраля одолели эту 41 милю. Дорога из Пай-Так на протяжении первых трех миль шла очень круто вверх по склону утеса, и, когда на рассвете мы тронулись в путь при ненастной погоде, наши перспективы не казались нам такими уж радужными. Вскоре мы обнаружили, что подталкивание наших автомобилей вверх по склону вручную служило неплохим упражнением, но не слишком плодотворным с точки зрения продвижения к цели.

На вершине утеса было приятно встретить сидевшего на краю скалы розоволицего парня из Хэмпшира, часового одного из последних пикетов, охранявших для нас дорогу. На этой войне можно было видеть множество поразительных по своему контрасту сцен, но я думаю, что картина этого молодого солдата оказалась одной из самых ярких. Там, на дороге из Персии в Вавилон, дороге, протоптанной мидянами и персами, на каменистом бесплодном склоне персидских гор сидел юноша с добрых Хэмпширских холмов.

Когда вершина самой крутой части дороги была успешно достигнута, до водораздела оставалось еще 3 мили плохой дороги. Предстояло выяснить, будет ли эта вторая половина вообще проходимая в метель, которая продолжалась с неослабевающей силой. В этом месте, недалеко от деревни Сурхадиса, мы попали в лагерь части Хэмпширского полка и сделали привал, чтобы заправить наши бензобаки и переждать непогоду, прежде чем попрощаться с последним форпостом Месопотамской армии и, наконец, отправиться в путь самостоятельно. Долгожданный перерыв наступил вскоре после 13.30, и в приподнятом настроении мы возобновили свое путешествие. Но ненадолго. Солнце ярко светило ровно минут десять, когда ослепительным вихрем снова повалил снег, что делало дальнейшее передвижение по полностью разбитой горной дороге совершенно невозможным. Так что после пары безрезультатных попыток борьбы с сугробами нам пришлось смириться с неизбежным и вернуться в Сурхадису, где мы очень уютно устроились в разрушенном караван-сараях. Большая часть крыши оказалась обрушенной, однако оставшейся ее части было достаточно, дабы предоставить нам всем укрытие, и даже присутствие двух мертвых лошадей не мешало нам радоваться этому крову.

Добро и зло, как правило, находятся в равновесии, о чем свидетельствуют эти дохлые лошади. В летнее время тут бы нечем было дышать. Однако, будучи замороженными, они лишь мозолили глаза. То же самое и с насекомыми этих грязных сералей; все они впали в зимнюю спячку и не беспокоили нас.

Так же и с курдами. Тот самый снег, что досаждал нам, согнал их с гор, оставив лишь тех немногих, кто крайне неохотно остался, чтобы допекать нас. При нормальных летних условиях риск получить пулю от курдов и сыпной тиф от насекомых был бы весьма значительным. «С паршивой овцы хоть шерсти клок».

В караван-сараях в Сурхадисе нам пришлось задержаться на несколько дней, ежедневно проводя разведку с целью поднять машины на вершину перевала; но поскольку все время валил снег, и по мере приближения к вершине сугробы становились все глубже и глубже, казалось, нам придется задержаться там бог знает насколько.

Наконец 2 февраля я решил выехать пораньше и попытаться перебраться через перевал, пока не растаял снег.

Выехав в 4 часа утра при ярком лунном свете, мы достигли вершины перевала к 7.30. Ничто не могло превзойти красоту этой узкой заснеженной долины, которая вела к вершине, и, медленно продвигая машины по хрустящему снегу, мы то и дело сталкивались с серыми фигурами проходящих курдов, которые мельком проскальзывали мимо нас, не причиняя вреда. Единственная возможность узнать, насколько враждебны эти хорошо вооруженные люди, – это когда они начнут палить по нам.

Британский консул в Керманшахе, лежавшем примерно в 70 милях впереди нас, организовал систему дорожной охраны из числа самих курдов, что лишало новоприбывших возможности разобраться, будет ли этот конкретный человек вас охранять, или следовало от него защищаться. В любом случае разница была не велика. В зависимости от обстоятельств он мог обернуться как тем, так и другим.

Однако сам факт того, что впереди нас существовала дорожная охрана, консулы и банковские клерки, а рядом с нами тянулись телеграфные и телефонные провода, заставлял нас чувствовать, что, в какую бы глушь мы ни забрались, мы не полностью оторваны от цивилизации. Правда, оборванные телеграфные и телефонные провода висели гирляндами, но столбы и изоляторы остались целы, и линию можно было без особого труда восстановить. Эти консулы и банковские служащие – настоящие герои, о которых редко рассказывают. Несмотря на все беды и превратности этих военных лет, они (и с ними их отважные жены) высоко держали британское знамя, развевающееся в этих отдаленных уголках земли. Измученные турками, запуганные местными беспорядками и порой вынужденные бежать в поисках убежища, бросив все мирские блага, они возвращались, когда беспорядки стихали, и с чувством собственного достоинства продолжали исполнять свой воистину имперский долг.

Скорость продвижения к вершине перевала составляла всего одну милю в час, что достигалось лишь за счет толкания и раскачивания машин и, время от времени, раскапывания сугробов. Тем не менее в 7 утра мы оказались перед пологим спуском впереди нас, и худшая часть нашего пути осталась позади. В Сурхадисе к нам присоединился в качестве эскорта небольшой броневедомоцикл, однако ни на чем, кроме легких «фордов», проехать по такой сложной дороге было совершенно невозможно, и нам пришлось оставить этот эскорт позади.

До сих пор мы видели многочисленные признаки голода и нередко проходили мимо трупа какого-нибудь бедного, измученного, голодного человека, который отказался от борьбы за жизнь на обочине дороги. В Керенде, в 20 милях от Пай-Так, нам попались отряды крестьян, мужчин и женщин, трудившихся под руководством американского миссионера над улучшением дорог – одной из действенных форм помощи голодающим. Это было частью всесторонней системы помощи, инициированной британским консулом в Керманшахе.

Еще 20 миль от Керенды, и мы оказались в месте назначения – в Харунабаде, преодолев расстояние в 41 милю за двенадцать часов, или со скоростью чуть больше 3 миль в час.

В Харунабаде, типичной курдской деревне, мы провели весьма комфортную ночь в нескольких из немногих уцелевших домов, и ничто не нарушало наш сон, кроме визита осла, который настаивал на своем присутствии рядом с нами.

В 6.30 утра 3 февраля мы снова отправились в сторону Керманшаха, и нам удалось преодолеть 40 миль за семь часов, что оказалось значительно лучше вчерашнего.

Дорога шла в основном через плоскодонные долины, обычные для этой части Персии. Самая важная из этих долин – Маби-Дашт, которую нам посчастливилось пересечь в ранние

дневные часы. Эта равнина обычно представляет собой море грязи, густой, как сливки, а в сырую погоду становится непреодолимым препятствием.

На окраине города мы встретили двух кубанских казаков на мохнатых конях, поджидавших нас, чтобы показать дорогу к нашим квартирам. Ими оказались симпатичные парни из «партизан» полковника Бичерахова⁶. Обогнув под их сопровождением город, мы приблизились к крепкому на вид дому персидской постройки напротив британского консульства, Имперского банка Персии и американской миссии. Этот дом отвели под наше проживание и обеспечили нас баней, в чем мы очень нуждались.

Теперь следует представить полковника Бичерахова, поистине героическую фигуру, так как он и его живописные казаки играют значительную роль в дальнейшем повествовании. Бичерахов – человек лет сорока, хрупкого телосложения и властного вида. Это казак из осетин, одного из тех полудиких народов, типичных для Северного Кавказа. На протяжении всей войны он показал себя безупречным воином и был неоднократно ранен. Его люди боготворили его, как бесстрашного лидера. Кстати, он являлся кавалером британских орденов Бани и «За выдающиеся заслуги».

На момент нашей встречи он командовал смешанным казачьим отрядом всех родов войск. Его люди, хотя и не остались безучастными к мятежным идеям революции, были твердо намерены до самой смерти хранить верность самому Бичерахову, и с тех пор их непоколебимая преданность позволяла ему вершить великие подвиги. Почему русские выбрали для своего отряда название «партизаны», мне не известно. В этом отряде находился исполняющий обязанности офицера по связи подполковник Клаттербак из индийской армии – хорошо владеющий русским языком и большой любимец казаков. В дополнение к этим войскам в Керманшахе имела русская радиоустановка, которую обслуживали военнослужащие из новозеландского подразделения.

Европейское сообщество оказало нам теплый прием, и ощущение контраста сидения за английским обеденным столом в консульстве – с белой скатертью и бокалами – с нашими воспоминаниями о настойчивом осле и убогих комнатухах вчерашней ночи заставляло нас улыбаться. Полковник Кеннион, известный путешественник и «шикари»⁷, представляет здесь правительство его величества. Миссис Кеннион, разделявшая с ним риск и опасности, – одна из тех отважных англичанок, о которых я уже говорил и которые скромно вносили свой весомый вклад в дела империи.

Как ни восхитителен был Керманшах, времени на передышку у нас не оставалось, хотя машины были бы рады дневному отдыху. Поэтому на следующее утро, 4 февраля, в 5.30 утра мы отправились в Хамадан (103 мили), надеясь легко проделать путь за два дня. С самого начала все пошло не так, как хотелось бы. На первой четверти мили головная машина сломалась, что задержало колонну на полтора часа. Через 20 миль мы миновали Бисотун с его древними наскальными надписями и барельефами времен Дария I, а оттуда проехали по единственному арочному мосту, взорванному турками, но с остатками арки, достаточными для ширины наших колес. Земля здесь была свободна от снега, небо голубое, а дорога настолько хорошая, что штабной офицер поддался роковому искушению сказать: «Ну вот, теперь мы справились со своими бедами; это похоже на увеселительную поездку». Он сделал это замечание примерно на 40-й миле, а на 41-й мы достигли подножия небольшого, но крутого перевала Сахне, где нам пришлось вручную толкать каждую машину вверх по склону, затратив на расстояние в 1 милю целых три часа. На 56-й миле машины продвигались уже с приличной скоростью, и мы добрались до города Кангавар, где у развалин построенного еще в античные

---

⁶ **Бичерахов** Лазарь Федорович – русский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, терский казак осетинского происхождения.

⁷ «**Шикари**» – охотник (*инд.*).

греческие времена храма нас встретил небольшой отряд русских с широко известным национальным гостеприимством – с горячей едой для офицеров и солдат. Дело шло к вечеру, наступило 4 часа дня, и нам предстояло пройти еще 22 мили. Не приходилось сомневаться, что в любом случае ночь застигнет нас в пути, а в темноте мы можем столкнуться с еще большими трудностями и опасностями. Но мы могли вообще никогда не добраться до места назначения, и поэтому шанс дать голодным водителям хотя бы один полноценный обед был слишком заманчив, чтобы его упустить. Кроме того, у нас теперь имелся проводник в лице лейтенанта Георгиева из русской армии, которому полковник Бичерахов поручил сопровождать нас до самого Хамадана, – весьма полезный офицер, без помощи которого мы, вероятно, вообще не достигли бы Асадабада в эту ночь.

Итак, поддавшись искушению, мы снова выехали только в 5 часов вечера. Вскоре наступила темнота, а дорога вообще оказалась проселком, зачастую едва отличимым от окружающей равнины. Водители едва не засыпали за рулем, и в 8 часов вечера я едва не принял решения остановиться на открытой равнине. Ночь выдалась исключительно ясной, и ничто не казалось менее вероятным, чем перемена погоды. Однако, как показали события, по счастливой случайности я решил двигаться дальше, и в конце концов мы добрались до Асадабада, где вместе с машинами устроились в довольно чистом караван-сарае и заснули с приятным предвкушением раннего утреннего старта, крутого подъема на перевал высотой 7600 футов и легкого пробега до Хамадана, располагавшегося всего в 25 милях впереди. В этот день водители провели за рулем уже восемнадцать часов и, без сомнения, не меньше любого из нас с нетерпением ждали теплых квартир и передышку на день или два. Это было в ночь на 4 февраля. До Хамадана машины добрались только 11 февраля!

Я поднялся в 4 утра и вышел из нашей маленькой спальной комнаты, дабы убедиться, что все готово к отъезду. Представьте себе мой ужас и удивление, когда я обнаружил на земле толстый слой снега и небо, заполненное быстро падающими тяжелыми хлопьями. Поначалу я обрадовался, что не разбил лагерь на ночь на открытой равнине: если бы мы это сделали, то трудно представить, как вообще смогли бы выпутаться из такой беды. Следующим, естественно, последовало раздражение из-за дальнейшего промедления – именно тогда, когда время становилось все более и более ценным. Действительно, «увеселительная поездка»! Позвольте мне в данном случае отмежеваться от точки зрения моих подчиненных.

Весь день ушел на то, чтобы расчистить перевал, но лишь только нам удавалось пробиться сквозь сугробы, как падающий снег уничтожал нашу работу. На третий день, 6 февраля, были наняты большие группы крестьян, но безуспешно – снегопад продолжался.

7 февраля я вознамерился переправиться через перевал с одним штабным офицером. Раздобыв двух приличных пони и местного проводника, мы с полковником Дунканом рано утром отправились в путь и около полудня добрались до Вали-Заде на дальней стороне перевала, а оттуда на русской машине вместе с лейтенантом Зипаловым, которого послали из Хамадана встречать меня, поехали в Хамадан.

Моя цель добраться до Хамадана раньше отряда состояла в том, чтобы получить помощь с этой стороны в переправке автомобилей через перевал (что в конечном итоге и было сделано при помощи канатов), а также встретиться со многими важными людьми, ожидающими меня там. Во-первых, это генерал Оффли-Шор, недавно вернувшийся из Тифлиса, который должен был сообщить мне все последние сведения, касающиеся Южного Кавказа. Также здесь должны были находиться майор сэр У. Бартелот и капитан Голдсмит, которые занимались сбором местной информации и организацией поставок бензина. Кроме того, можно было получить ценные сведения от консула, мистера Макдауэлла, и от управляющего банком, мистера Макмюррея. И здесь же мне следовало встретиться с генералом Баратовым, последним командующим победоносной русской армией, сражавшейся с турками на этой трассе. Теперь он чувствовал себя

крайне неудобно, оставаясь командующим революционными войсками, которые не стали бы подчиняться чьим-либо приказам.

Проблема эвакуации этих дезорганизованных войск оказалась более чем сложной. Даже при нормальных обстоятельствах эвакуация достаточно трудна, но с войсками, которые игнорируют все командование, это явно выглядело почти невыполнимой задачей. Дело в том, что любой солдат всеми силами стремился попасть домой, поэтому он был намерен выступить – с приказом или без него – в этом направлении. С генералом Баратовым, в качестве офицера связи, находился полковник Роулэндсон.

По прибытии в Хамадан нам отвели самые что ни на есть комфортабельные апартаменты в Банкирском доме. Под той же крышей приютились майор Бартелот, капитан Голдсмит, генерал Шор и другие, а очаровательная и неутомимая хозяйка, казалось, была готова принять еще сколько угодно гостей.

При любой изменчивой фортуне расклада сил в Северной Персии Банкирский дом Хамадана выделяется как достопримечательность, надежное убежище для утомленных путников, центр радушного гостеприимства и средоточие всех местных политических новостей.

Первым делом следовало отправить капитана Голдсмита разведать дальнейшую дорогу до Энзели и позаботиться о нашем бензине. Он уехал на следующий день, и судьба распорядилась так, что мы больше не встретились. Путешествуя в одиночку по дороге, запруженной отступающими русскими войсками, он не привлек к себе никакого внимания и, будучи искусным в поиске пути через трудные места, добрался до Энзели, а оттуда до Баку, прежде чем у местных жителей возникли какие-либо подозрения. Так как моя группа прибыла в Баку только через семь месяцев, наши шансы встретиться оказались невелики, а он к тому времени присоединился к полковнику Пайку на Северном Кавказе.

11 февраля машины наконец-то перебрались через перевал. По прибытии в Хамадан вся группа офицеров и солдат была очень гостеприимно встречена американскими миссионерами, которые не смогли бы более тепло приветствовать даже своих солдат. Для всех были найдены удобные квартиры, автомобили отремонтированы, и все было готово к отъезду, когда дальнейшие снегопады заблокировали лежавший прямо перед нами перевал Султан-Булак, что сделало невозможным наше выступление до 15 февраля. В тот день мы выехали в 6.30 утра, и теперь, когда двигались по проложенной русскими твердой дороге, у нас имелись все надежды на положительный результат. Надежды, которые на этот раз оправдались. Снег снова блокировал нам путь, но эвакуирующиеся русские в своем стремлении вернуться домой действовали с такой решительностью, что вскоре пробились через сугробы. В хорошую погоду мы без особого труда преодолели перевал и к двум часам дня достигли Аве (75 миль), делая в среднем около 10 миль в час. На следующий день, 15 февраля, мы прибыли в Казвин, где снова воспользовались гостеприимством Имперского банка Персии, представленного здесь мистером Гудвином. Казвин – город с населением 50 000 человек, одна из многих ранних столиц Персии. Он находится на пересечении дороги Энзели – Тегеран с дорогой, по которой мы прибыли. Здесь, прежде чем двинуться дальше к Каспийскому морю и, возможно, окончательно оставить Персию позади, не мешало бы проконсультироваться с сэром Чарльзом Марлингом, британским посланником в Тегеране. Для позднейших действий на Кавказе доскональное знание обстановки в Персии было бы крайне необходимо, а иметь экспертное мнение этого посланника явилось бы большим преимуществом.

Сам Казвин, казалось, вовсе не был нам рад. В Хамадане кое-кто из толпы улыбался нам, но, войдя в этот город, мы встречали лишь хмурые взгляды; однако население, вместо того чтобы прибегнуть к насильственным действиям, довольствовалось проведением антибританских митингов в мечетях и принятием пылких резолюций. Наш отряд из двенадцати офицеров, двух писарей и сорока одного водителя был определенно слабават. Но сорок один автомобиль производил совершенно ложное впечатление силы, к тому же у нас имелся в качестве эскорта

броневик под командованием лейтенанта Сингера, который раньше нас добрался до Хамадана. Вполне вероятно, что, если бы не броневик, резолюции могли бы перерасти в действия, даже если бы это повлекло за собой нарушение устоявшегося порядка.

В Казвине мы узнали, что дальнейшее продвижение невозможно. Мирза Кучек-хан, предводитель гилянцев, на чью территорию мы собирались войти, поклялся не пропускать англичан, а в Энзели его комитет работал совместно с большевистским комитетом, который также был полон решимости не допустить нашего прохода. Но до сих пор такое множество непробиваемых препон оборачивалось мягкой папиросной бумагой, что необходимо было попробовать, не удастся ли справиться с этой последней «невозможностью». Соответственно, начались приготовления к тому, чтобы выступить рано утром следующего дня.

Теперь необходимо дать краткое описание движения «дженгелийцев» или «гилянцев».

Горная система Эльбус, самая высокая вершина которой, Демавенд, находится близ Тегерана, поднимается более чем на 18 000 футов над уровнем моря и образует стену, отделяющую персидское плато от Каспийского моря. Водораздел находится примерно в 60 милях от берега, к которому через густой красивый лес постепенно спускаются горные отроги. Территория, входящая в эту область, разделена на две провинции: Мазендеран, составляющий восточную половину, и Гилян, составляющий западную. Через последнюю проходит дорога, соединяющая Персию – через Каспий – с Европой. Решт, столица Гиляна, лежит на этой дороге примерно в 20 милях от порта Энзели-Казиян, двойное название которого требует объяснений. Гавань образована двумя длинными песчаными косами, идущими с востока и запада, как огромные клещи, охватывающие большое мелкое озеро. На западной косе лежит старый персидский город Энзели, на восточной – новый русский город Казиян, построенный русской дорожной компанией для обслуживания ценных торговых концессий. Только несколько сотен ярдов воды разделяют два города, и в то время как причалы почти полностью находятся на стороне Казияна, резиденции торговцев, банки и все отели располагаются на стороне Энзели, где и совершаются все деловые операции.

Жителей Гиляна называют «дженгелийцами» только потому, что они живут в лесистой, как джунгли, стране. Это вводящий в заблуждение термин, поскольку он имеет свойство наводить на мысль о чем-то диком, свирепом и нецивилизованном, а гилянам не свойствен ни один из этих признаков.

Так называемое «движение дженгелийцев» основал известный революционер по имени Мирза Кучек-хан – настоящий идеалист, действующий из наилучших побуждений. Его программа включала в себя все наводящие тоску банальные лозунги, которые вызывают к переменам в духе обманчивых идеалов свободы, равенства и братства. «Персия для персов» и «Долой иностранцев» – это другие очевидные пункты программы, дальнейшее перечисление которых приводить не стоит ввиду их иллюзорности, ошибочности и надоедливости.

Следующий акт пьесы столь же неизменен для подобного рода драм. Кучек-хан учреждает комитет для содействия в управлении делами, и с этого момента комитет возглавляет сам Кучек, который думает, что он все еще руководит, хотя им просто-напросто манипулируют. Но руководит ли комитет на самом деле, или же на него также оказывают давление? Ответом на данный вопрос служит то важное допущение, которое дает нам решение многих таких проблем – немецкие и турецкие агенты и пропаганда. Войсками Кучека руководит немецкий офицер фон Пашен, их тренируют австрийские инструкторы. Турецкие пулеметы и боеприпасы составляют большую часть материального обеспечения его армии. Итак, у нас есть первый лидер, Кучек-хан – не слишком умный, но благородный энтузиаст. Для давления на лидера имеется комитет, каждый член которого преследует личные цели. Для манипулирования комитетом мы имеем, с одной стороны, Германию с обещаниями финансовой выгоды, а с другой – Турцию с духовными призывами к религиозному фанатизму и парой пулеметов. Вот что значит быть лидером! Теперь отношение этих гилянцев к русским можно объяснить. Основное отно-

шение северных персов к русским можно мягко охарактеризовать как крайнюю неприязнь; но со свершением революции, провозглашением братства и выводом войск эта неприязнь временно отошла на второй план. Кучекхан неимоверно рад видеть, как русские покидают Персию (как он надеется, навсегда) по дороге, идущей через Гилян. Это позволяет ему покупать огромные запасы винтовок и боеприпасов по очень низким ценам. Таким образом, их проход всячески облегчается, а в порту Энзели заправляет объединенный комитет большевиков и дженгелийцев, объединившихся в общем стремлении помешать англичанам: большевики главным образом потому, что воображают, будто англичане хотят продлить войну, а дженгелийцы потому, что, сбросив наконец русское бремя, боятся, как бы англичане не заняли их место, и тогда их лозунг «Персия для персов» будет снова отложен на неопределенное время; и те и другие потому, что являются жертвами (большей частью неосознанно) искусной пропаганды.

Мирза Кучек-хан утверждает, будто у него имеется пятитысячное войско, и вполне вероятно, что так оно и есть. Какое его количество он может убедить выйти на поле боя и какую боеспособность они покажут – это вопросы, на которые ответят лишь последующие события.

Глава 3. «Море! Море!»

Когда на рассвете 16 февраля наш конвой выехал из Рештских ворот Казвина, сердца всех наполнились восторгом от мысли, что завтра ночью последние препоны останутся позади и отряд двинется по Каспию в направлении Баку. На самом деле не имелось никаких серьезных оснований полагать, что нам удастся пройти. Напротив, помех стало еще больше, чем раньше. Но в нашей партии не было пессимистов, и мы свято верили, что любые возникшие трудности будут преодолены.

С самого отъезда из Хамадана вся дорога была запружена русскими войсками, эвакуировавшимися в полнейшем беспорядке; также ими оказался заполнен Казвин, и хотя в общем и целом они вели себя вполне дружелюбно, не приходилось сомневаться, что в дороге они стали бы серьезной помехой.

Во всяком случае, погода благоволила нам; снега не выпало, и мы без труда миновали последний высокий перевал близ Буйнака, в 30 милях от Казвина. Здесь, как и на перевале Султан-Булак, отступающие русские пробили сквозь сугробы первоклассную дорогу.

Все 40 миль пути от Буйнака до Манджиля дорога петляет вниз по довольно пустынной долине, время от времени пересекая ручьи по хорошо построенным мостам, и, наконец, выходит на небольшую открытую равнину Манджиля, на которой несколько живописных групп старых оливковых деревьев разнообразят унылый пейзаж. Мы устроили себе ночной привал на небольшой почтовой станции, принадлежащей Русской дорожной компании, где большие рекламные щиты Гранд-отеля в Тегеране с его «французской кухней» сделали вкус нашего «консервированного рагу» менее приторным, чем обычно.

Единственной помехой на пути оставались русские войска, транспорт которых состоял главным образом из огромных персидских повозок, запряженных четырьмя лошадьми в ряд, — не слишком подходящее средство передвижения для узкой горной дороги. Сами войска находились в приподнятом настроении и не выказывали по нашему поводу ни малейших признаков неприязни. На данный момент жизнь казалась им весьма радостной, а поскольку все люди — братья, они желали, чтобы эта радость распространялась и на других. Принципы свободы и братства с огромным энтузиазмом применялись к домашней птице и другим опрометчиво оставленным у дороги мелочам, а монотонность марша можно было разнообразить, стреляя по изоляторам на телеграфных столбах или метаясь в беспечных ворон, заключив небольшое пари. Никто не держал строй, разве что изредка конные войска. Группы солдат тащились по двое, трое или более крупными партиями, и время от времени уставший солдат мог попросить подвезти его или попытаться без спроса запрыгнуть через задний борт одного из фургонов — спортивная ловкость, которая обычно оказывалась за пределами его возможностей.

В караван-сарай, куда мы отправились со специальным разрешением на получение бензина для завтрашнего путешествия, нас окружила толпа солдат, и мы наслаждались довольно забавной и поучительной беседой. Солдаты хотели знать, куда мы направляемся. Я ответил: «В Энзели». — «А потом?» — «Это зависит от обстоятельств; мы хотим помочь вам, нашим союзникам». На что следовал неизменный ответ: «Мы вам не союзники; мы заключили мир с Германией, а вы только хотите продлить войну». Таким был заученный, как попугаи, один и тот же рефрен — очевидно заботливо втолкованный людям каким-то пылким пропагандистом.

На вопрос об их политических идеях ответы в целом можно воспроизвести примерно так: «У нас произошла революция, потому что с нами плохо обращались и угнетали. Теперь мы свободны, но невежественны и необразованны. Мы не знаем, как управлять собой. Вокруг беспорядок. Я большевик, но я не знаю, что такое большевизм, потому что не умею ни читать, ни писать. Просто принимаю то, что говорил недавний оратор. Я хочу, чтобы меня оставили

в покое и помогли вернуться домой, а поскольку комитет в Казииане большевистский, то и я тоже. Если бы он был не большевистский, я был бы кем-то другим».

Относительно истинной причины нашего присутствия среди них проявлялось большое любопытство, и общее мнение состояло в том, что ничего хорошего мы не замыслили. Крестьянский ум – особенно у русского крестьянина, – естественно, подозрителен, а простой англичанин имеет в России дурную репутацию очень хитрого человека; поэтому к нашему отряду относились со смешанным чувством подозрительности и неприязни, смягченным добродушной терпимостью.

Манджилъ расположился в начале пятидесятимильной долины, которая спускается к Каспийскому морю через Решт, и узкая щель в горах, через которую Сефид-Руд, или Белая река, – кстати, обычно красного цвета, – стекает к морю, действует как воронка для северного ветра, который дует в течение всего лета бесконечным ураганом, создавая Манджилю печальную славу невыносимого места для жительства. К счастью, этот ветер не дует в зимние месяцы, иначе нас ждало бы множество неприятных моментов. У нас не было времени на изучение окрестностей: вскоре стемнело, и мы только обрадовались поводу лечь пораньше и хорошенько выспаться, прежде чем пуститься в завтрашние приключения.

На следующий день, в воскресенье 17 февраля, в хорошую погоду мы тронулись в путь на рассвете – в последний и самый критический этап нашего путешествия, – с приятной перспективой пересечения Каспийского моря уже на следующее утро, если судьба будет к нам благосклонна. Но мы уже начинали понимать, что судьба должна быть исключительно доброй, чтобы это произошло.

Прекрасные 70 миль дороги от Манджиля до моря описывались многими путешественниками, и я обязан внести свой скромный вклад. От почтовой станции дорога петляет вниз с пологим уклоном примерно на полторы мили к мосту Манджиля, где пересекается с Сефид-Руд, и начинается последний спуск к морю. Прочный мост из камня и железа расположился в крутом V-образном провале в горах, где дорога сворачивает на север. После пересечения реки дорога петляет вдоль ее левого берега на протяжении следующих 40 миль, после чего начинается равнинная местность. Отсюда она немного отклоняется влево, достигая Решта примерно на 52-й миле, а Энзели на 70-й.

В устье ущелья, сразу за мостом Манджиля, мысли солдата неизбежно обращаются к внушающим страх природным препонам, с которыми сталкивается любая армия, которая может попытаться форсировать это узкое ущелье на виду у решительного врага. Во многих местах дорога вырублена в скале; слева громоздятся скалы, а справа отвесный обрыв к ревущему потоку Сефид-Руд, непроходимый во все времена года. Скалистые отроги и крутые ущелья на правом берегу реки дают противнику отличное прикрытие для снайперской стрельбы по войскам на дороге, и очевидно, что любая попытка наступления повлечет за собой параллельное движение по обе стороны реки.

Несмотря на то что путешественник отчетливо понимает, что оставил Персию позади и вступил в совершенно новую страну, настоящий лес до сих пор еще не начался. Низкие горы по-прежнему бесплодны, но все же не совсем лишены деревьев; многочисленные оливковые рощи выстроились вдоль дороги и заполняют все впадины на склонах гор, в то время как выше можно мельком увидеть раскинувшиеся наверху сосновые и дубовые леса.

В настоящий лес попадаешь только через 20 миль от Манджиля, там, где находится русская дорожная застава Нагобер, и дорога ныряет в густые леса с частым подлеском. Здесь чувствуется, что позади остается не только Персия, но и Азия – когда мы останавливаемся для ремонта у мшистого берега, на котором только-только появляются примулы и цикламены, а дальше по дороге встречаются купы фиалок и подснежников. Деревья, за исключением нескольких вечнозеленых, еще не покрылись листвой, и беглым взглядом из автомобиля

трудно их распознать, но наиболее заметны каштан и дерево, напоминающее бук, тогда как подлесок состоит в основном из самшита.

В Эмамзаде-Хашеме, примерно в 40 милях от Манджиля, горы внезапно заканчиваются, и отсюда до Энзели дорога идет по ровной местности, сначала через чередование лесов и рисовых полей, а затем, по мере приближения к Энзели, через пастбища и песчаные дюны.

Бряд ли стоило надеяться, что свирепый Кучек-хан после всех своих угроз позволит нам беспрепятственно пройти через Манджильское ущелье, и нужно было организовать конвой так, чтобы при первых признаках сопротивления по врагу был открыт огонь из всего имеющегося оружия. Наш единственный шанс – действовать быстро и решительно. Но в то же время нас ограничивало то, что мы должны были оставить первый выстрел за дженгелийцами, поскольку до тех пор, пока этот выстрел не прозвучал, ради того, чтобы прорваться, можно было блефовать. А блефовать гораздо лучше, чем сражаться, особенно когда у тебя для этого крайне мало возможностей.

Бронеавтомобиль под командованием лейтенанта Сингера прокладывал путь, капитан Хупер с пулеметом Льюиса ехал следом, а у каждого водителя имелась под рукой винтовка и сотня патронов. Чтобы машины держались все вместе, делались частые остановки.

В лесополосе мы не встретили никаких признаков сопротивления, но по мере приближения к Решту нам время от времени попадались свирепые на вид и хорошо вооруженные воины. Увешанные лентами патронташей, образующих вокруг их тел весьма эффектный жилет, с пистолетом Маузера на поясе и винтовкой в руке, эти солдаты действительно выглядели так, как если бы не собирались шутить. Но Персия – это страна, где многое делается напоказ, и никакая другая попытка добиться военного успеха иными средствами не должна предприниматься, пока этот метод не потерпит неудачу.

В Реште мы сделали остановку на полчаса, чтобы встретиться на обочине дороги с английским консулом мистером Маклареном и его русским коллегой М. Григоровичем. Первый, вместе с мистером Оукшотом из Имперского банка Персии, отважно держит британский флаг высоко поднятым при самых неблагоприятных обстоятельствах. После недавнего заявления Кучек-хана о своих чувствах к англичанам требовалось немалое мужество, чтобы продолжать жить в столице дженгелийцев. На самом деле их обоих вскоре взяли в плен, где им довелось немало пострадать от рук гилянцев, прежде чем удалось бежать.

После короткой и познавательной беседы с этими джентльменами машины снова тронулись в путь, проехав через Решт, не испугавшись свирепых взглядов очередного скопища головорезов и преодолев оставшиеся 20 миль до Энзели вовремя и без происшествий, ломая голову над тем, почему после столь яростных угроз нам позволили пройти невредимыми.

Примерно за час до захода солнца песчаные дюны оповестили нас о близости моря, и – хвала Господу! – вдаль показались голубые воды Каспия, а вскоре мы оказались на окраинах поселения Казиян.

Теперь нам предстояло увидеть, как примут нас большевики и другие разновидности революционеров. Любопытство оказалось гораздо более наглядным, чем враждебность – на самом деле последних никогда не было много, за исключением большевистских чиновников (достаточно многочисленных) и небольшой доли действительно антибританских агитаторов. Вследствие этого отношение к нам будет диктоваться должностными лицами, и еще предстоит выяснить, каково будет их отношение. В это время в городе находилось около двух тысяч русских из расформированных войск, и, когда мы подъехали к зданию персидской таможни, вся эта двухтысячная толпа собралась вокруг нас, сгорая от любопытства и не выказывая ни малейшего признака враждебности.

В Персии таможней полностью управляют бельгийские чиновники, и нас очень радушно принял господин Гунин, который с женой и детьми занимает просторное здание, предоставленное начальнику таможни.

Приготовления для нашего приема заключались в следующем. Мне оказали честь жить вместе с семьей Гунин, машины следовало припарковать во дворе таможни, а водители должны были разместиться по соседству, в гараже таможни, офицеры – в довольно комфортном доме на рыбном складе примерно в миле отсюда.

Более неподходящего расположения трудно себе представить. До сих пор на каждой остановке мы все жили вместе с нашими машинами, офицеры и солдаты делили одни и те же помещения и одно и то же консервированное рагу из говядины, приготовленное нашим неутомимым и жизнерадостным поваром, рядовым Пайком из армейской квартирмейстерской службы. В таком случае, что бы ни случилось, мы могли проявить себя должным образом, но разбросанные, как теперь, по всему Казияну, в случае столкновения мы едва ли могли сделать все от нас зависящее.

Однако в этот поздний час идти куда-то в сопровождении толпы зевак-большевиков, ради другого места расположения, не стоило и думать, и я должен был принять все как данность и позаботиться об определенных мерах, чтобы в случае кризиса собрать всех вместе. Единственное, от чего мне пришлось решительно отказаться, – это от чрезвычайно любезного личного приглашения для себя, и я выбрал свой жребий – вместе с другими офицерами ночевать на рыбном складе. Жаль, что кто-то позаботился исключительно о наших удобствах – на последнем, чего мы могли желать. Все, чего мы хотели, – это безопасности и восстановления сил.

И все же я не мог показать себя настолько невежливым, чтобы отказаться от радушного приглашения для себя и офицера штаба поужинать с семьей Гунин, и оно было должным образом принято.

Машины вскоре припарковали во дворе, однако все из толпы, кому удалось протиснуться туда, тоже оказались внутри.

И как заставить их убраться?

Метод диалога оказался самым простым, поэтому мы с капитаном Сондерсом принялись разглагольствовать перед солдатами, которые очень заинтересовались нашими речами и столпились вокруг, чтобы послушать. Темы были простыми. Мы обсуждали последние военные известия, соглашались, что свобода – это прекрасно, и признавали, что все люди должны быть товарищами; во всяком случае, в британской армии офицеры и солдаты всегда считали друг друга товарищами.

Со своей стороны они задавали вопросы относительно нашей формы: означала ли штабная кокарда на фуражке капитана Сондерса (лев, держащий корону) персидского льва? А что касается войны, то когда она закончится? Для России она уже закончилась. Так, мирно беседуя, мы постепенно приблизились к двери, прошли через арку и вышли на открытое пространство, толпа следовала за нами, словно я был Гамельнским крысоловом. Затем, во время продолжения беседы, двери тихо закрылись и появился часовой.

Теперь можно было спуститься к причалам и посмотреть, какие суда подойдут нам, но нам не удалось сделать ничего, кроме как записать их названия и приблизительно оценить вместимость, так как за нами на каждом шагу следовала огромная толпа, которая прислушивалась к каждому слову и довольно сильно затрудняла наше передвижение. Поэтому первое, что нужно было сделать, – это отделаться от нее, что нам в конце концов и удалось, отправив своих людей в гараж, а самим устроившись в здании на рыбном складе. Здесь мы занялись собственным туалетом, в то время как толпа, на сей раз враждебная, собралась на открытом пространстве перед домом. Но прежде чем мы успели предпринять какие-то шаги, чтобы разобратся с этими людьми, кто-то из начальства, очевидно, сказал: «Не сейчас», и толпа постепенно рассеялась.

Продумав тайные методы оценки судоходных возможностей и проведя подготовку к изучению местной обстановки, мы собрались отправиться на наш самый что ни на есть несвоевременный ужин. В этот момент появился взъерошенный посланец с важной на вид депешей

от «Революционного районного Совета Военно-революционного комитета Восточно-персидского (sic!) округа Кавказского фронта». Послание, которое следовало за этим грандиозным заголовком, можно было кратко сформулировать следующим образом: «Комитет желает вашего присутствия на внеочередном заседании комитета для объяснения цели прибытия автомобилей и самой миссии». О времени не упоминалось, и очевидно, что если я сначала поужинаю, то у меня останется время все обдумать. Поэтому мы решили просто продолжить ужин и посмотреть, что будет дальше.

Ужин оказался выше всяких похвал, и мы отдавали ему должное, когда в передней послышался стук тяжелых сапог, и слуга-перс в сильном волнении поспешил сообщить, что в дом прибыл революционный комитет с требованием встречи с британским генералом. Я успокоил мою хозяйку, которая пришла в ужас от вторжения, и немедленно покинул комнату, дабы встретить гостей, которых ожидал по меньшей мере полдюжины. Войдя в гостиную, я несколько удивился, увидев там только двух представителей: товарища Челяпина, бывшего служащего пароходной конторы, а ныне председателя большевистского комитета Энзели, и смуглого матроса в форме.

Я тотчас же тепло пожал им руки и попросил сесть, после чего состоялся следующий разговор:

– Позвольте спросить, чем могу быть вам полезен?

– Мы отправили вам послание, где говорится, что вам надлежит присутствовать на заседании комитета, чтобы объяснить свое прибытие сюда и ответить на другие вопросы. Вы его не получили?

– Получил, но, поскольку в нем не было упоминания о времени, я ждал более точного приглашения.

– Мы хотим, чтобы вы отправились с нами сейчас и дали необходимые объяснения комитету, который вас ожидает.

– Комитет, как и я, должно быть, очень устал после дневной работы, и по моему мнению, если вы соберетесь завтра в одиннадцать часов утра, мы могли бы спокойно и подробно обсудить все вопросы. А пока могу вам коротко сообщить, что мы движимы только чувством дружбы к России и не имеем ни малейших намерений в создании какого-либо контрреволюционного движения.

После чего я выразил свое удивление и огорчение по поводу их отношения к нам. Я ожидал от них теплого приема и был уверен, что завтра смогу, по крайней мере, рассчитывать на их полнейшее содействие во всех делах. Мне очень хотелось объяснить, что их идеи и мои, вероятно, совпадут по всем пунктам. Я горячо поблагодарил их за то, что они потрудились навестить меня, и, выкурив по сигарете и обменявшись еще несколькими комплиментами (не совсем «обменялись», поскольку комплименты звучали в основном с моей стороны), мы еще раз пожали друг другу руки и расстались с обычной русской учтивостью.

Мне необходимо было отсрочить любую встречу с комитетом до тех пор, пока мы не выясним подробностей о местной обстановке и пока я не узнаю результаты расспросов относительно судоходства, которые теперь находились в стадии подготовки. Прежде чем вступать в какие-либо дискуссии, мне было крайне важно изучить ситуацию. При полном знании условий с их стороны и полном неведении с моей любое расхождение во мнениях обернулось бы неравной игрой.

Теперь я мог вернуться в столовую и избавить от беспокойства мадам Гунин, которая опасалась, что меня немедленно утащат, чтобы поставить к стенке. Ужин вскоре закончился, и, выкурив по отличной сигаре, мы извинились и откланялись. Ночь только начиналась, и, прежде чем предаться отдыху, следовало многое обдумать.

Первым делом поступили отчеты о перевозке. Два корабля были доступны и готовы к отплытию, но ни один из них не являлся частным – все они оказались «национализированы»

и находились под полным контролем большевистского правительства. Поэтому о том, чтобы в темноте подняться на борт и бежать, не могло быть и речи. Далее – что касается размещения на борту. Обычное судно могло принять от 100 до 500 человек, но ни одно не могло взять больше десяти машин. Поэтому, если бы мы попытались улизнуть на одном пароходе, нам пришлось бы оставить позади тридцать один фургон, и одного этого факта оказалось бы достаточно, чтобы разрушить любую схему тайного отплытия.

Другие результаты разведки также не внушали особого оптимизма, и не вызывало сомнения, что мы столкнемся с проблемой, когда не сможем как двигаться вперед, так и в равной степени вернуться назад.

За нашим домом со всех сторон следили скрытые часовые, дабы пресечь или предупредить любое подозрительное движение с нашей стороны. Этим часовых выставляли каждую ночь нашего пребывания в Энзели.

Завтра мы увидим, что принесет нам новый день, и у меня имелись обоснованные надежды, что комитет поддержит наши идеи. Меня не покидала уверенность, что русские поступили бы так, будь они предоставлены самим себе, однако с эмиссарами Кучек-хана под рукой и немецкими агентами в их среде неудивительно, что их настроили на враждебное отношение к нам.

Дождь начался ночью, и мы проснулись 18 февраля, дабы лицезреть тусклое, промозглое утро с пейзажем, полностью окутанным туманом. Вскоре мы уже были на ногах и занимались разными делами. Наши передвижения по городу по-прежнему привлекали к себе некоторое внимание, и, помимо любопытной толпы, разумеется, всегда присутствовал соглядатай от комитета, следующий за нами по пятам. Поэтому прямыми расспросами трудно было многого добиться, и нам оставалось полагаться главным образом на парочку тайных агентов, которые целиком действовали в наших интересах, но чьи сообщения зачастую оказывались ошибочными или преувеличенными.

В 11 часов утра мы с капитаном Сондерсом в должное время явились в небольшое здание, где проходили заседания комитета. Радостные солдаты, полностью предаваясь наслаждению прелестями свободы, слонялись возле входа. Опьянение свободой выражалось главным образом в глуповатых улыбках вместо воинских приветствий, пренебрежении мытьем, расстегнутыми мундирами, грязными ремнями и нечищеными винтовками. Поднявшись по деревянной лестнице, мы вошли в переполненную приемную, где сборище солдат и матросов курили, разговаривали и лениво разглядывали вновь прибывших. Через некоторое время дверь внутренней комнаты отворилась, и товарищ Челяпин вышел вперед с протянутой рукой и официальным выражением лица, которое соответствовало серьезности ситуации. Мы торжественно пожали друг другу руки в знак равенства, и наш провожатый провел нас в соседнюю комнату, где мы предстали перед грозным комитетом.

Двенадцать человек, составлявших комитет, сидели за занимавшим почти всю комнату длинным столом, и перед каждым, как положено, лежали бумага, перья и чернила, дабы показать, что он смог бы писать, если его попросят. При нашем появлении общего вставания не произошло, однако каждый встал или привстал при обмене рукопожатиями, и в целом мы получили прием, показывавший общее желание соблюдать вежливость, оставаясь при этом строго формальным. Члены комитета оказались поголовно молодыми людьми, в основном солдатами и матросами в форме, а те, кто носил мундиры застегивающимися до самой шеи, оставляли воротнички нараспашку, как еще один знак недавно завоеванной свободы. На протяжении всего периода моего общения с революционерами я замечал этот отличительный признак расстегнутого воротничка: чтобы выглядеть как революционер, отрасти длинные волосы, воздержись от их расчесывания и оставь воротничок расстегнутым или, если ты в штатском и носишь отложной воротник, распахни его так же низко, как декольте дамского вечернего платья, и соответствующий облик готов.

Глумление над старшим поколением – также признак революционности. Отсутствие опытных людей из числа революционных должностных лиц ведет ко множеству ложных шагов, которых более мудрые головы могли бы избежать; но молодежь всегда будет пускаться в разгул, и во все времена, во всех цивилизациях всегда есть постоянное подводное революционное течение молодых всезнаек, направленное против старшего поколения, которое они считают устаревшим и не способным понять их блестящие планы преобразования будущего. Но быть молодым замечательно, и бурление молодости, пожалуй, имеет не слишком большое значение в общем замысле жизни.

Я не мог высказать все это комитету Энзели, хотя и хотел бы это сделать. Время поджимало, и мне не терпелось покончить с делом.

В городе знали, что Персидский комитет Кучек-хана призывал Русский комитет арестовать нас, в то время как большевики стремились взвалить бремя ответственности на персов. Ни у одной из сторон не имелось причин колебаться, но британский флаг пользуется большим авторитетом, и ни одна из сторон до сих пор не испытывала нашу силу. Кроме того, у нас был броневладелец, один вид которого создавал уверенность, будто он смог бы отразить любую атаку при попытке захватить его. Тем не менее не исключалась возможность нашего собственного ареста, так как мы с капитаном Сондерсом полностью находились во власти большевиков, и, чтобы заставить нас осознать серьезность нашего положения, за нашими креслами была выставлена вооруженная охрана. Однако вскоре они утомились стоять и, когда пришли к выводу, что их присутствие не производит на нас особого впечатления, устроились поудобнее на скамьях вокруг комнаты.

Нам предоставили места за столом, и дискуссия началась с короткой речи Челяпина, в которой он сообщил комитету, что английский генерал был приглашен на это заседание, дабы объяснить причину своего внезапного появления среди них и ответить в целом на вопросы о будущих намерениях своего отряда.

В ответ я кратко заявил, что удивлен их отношением, что мы пришли исключительно для того, чтобы помочь им, и огорчен недружелюбным приемом, оказанным нам.

Мне приходилось проявлять крайнюю осторожность в своих ответах на последовавший за этим шквал вопросов, когда каждый из членов комитета был полон решимости оправдать свое присутствие, приняв участие в перекрестном допросе. Естественно, я желал строго придерживаться истины, что не всегда легко, когда обладаешь государственной тайной, а особенно сложно в данном случае, когда цели миссии держались в строжайшем секрете и было бы опрометчиво открыто выставлять все детали наших планов перед враждебным собранием, подвергавшим нас перекрестному допросу.

Мои затруднения тут же любезно устранил президент собрания, который заявил, что ему все известно о наших планах отправки в Тифлис для помощи грузинам и армянам в продолжении борьбы. Он слишком поторопился показать мне, насколько безнадежно наше дело, однако он мог бы использовать свои знания как гораздо более эффективное оружие, если бы дождался от меня ложных ответов и лишь затем взорвал свою бомбу.

По-видимому, большевики располагали полной информацией из Тифлиса о целях миссии и дате нашего вероятного прибытия в Энзели, и у них (по наущению немцев) имелся категорический приказ остановить нас любой ценой.

Итог встречи можно подвести следующим образом: комитет заявил, что Россия больше не является нашим союзником. Россия заключила мир с немцами, турками и австрийцами и из всех наций не доверяла только Великобритании, как символу империализма, и еще тифлисцам, которым мы предполагали оказать помощь, поскольку они являются противниками большевиков.

В Энзели в руках большевиков находились телеграф и телефон, радиостанция и запасы бензина. Все судоходство осуществлялось под их контролем, и канонерская лодка была готова

открыть огонь по любому судну, пытающемуся покинуть порт без их разрешения. Они препятствовали любым нашим попыткам добраться до Баку. Баку находился под властью большевистского правительства, и его уже известили по радио о нашем прибытии, и оттуда ответили, что отряд необходимо остановить любой ценой. Для России война закончилась, и они возражали против миссии, которая, по общему признанию, намеревалась продлить войну.

Со своей стороны я возразил, что наша единственная цель состоит в том, чтобы помочь России, невзирая на политические партии, что я должен, несмотря на их угрозы, продолжать приготовления к переходу в Баку, что у нас достаточно пулеметов, чтобы преодолеть любое сопротивление, и что мы не признаем права большевистского правительства препятствовать нашим передвижениям.

Я ожидал, что за объявлением такого решения последует наш арест, но, хотя некоторые члены комиссии выступали за него, единодушия не последовало, чем я и воспользовался, – поднявшись с обычными прощальными словами, мы с капитаном Сондерсом беспрепятственно покинули помещение.

Остаток дня мы потратили на прощупывание наших возможностей в плане морской перевозки и взвешивание шансов. Посещение пристани лишило нас надежды. Все пароходы усиленно охранялись, а в рейде стояла зловещего вида канонерская лодка с готовыми к бою пушками.

При наличии большевиков и дженгелийцев повсюду – большевиков впереди, а Кучекхана на дороге позади нас – было не просто представить себе путь прорыва, вперед или назад. Ясно было только одно: чем дольше мы будем медлить, тем меньше будет у нас шансов для спасения. И все же я считал необходимым продержаться по крайней мере сорок восемь часов в надежде, что что-нибудь прояснится. На самом деле я ожидал какого-либо знака помощи от наших друзей на другом берегу, какого-то намека на то, что если мы доберемся до Баку, то сможем рассчитывать хотя бы на некоторую помощь. Там были люди, которые, несомненно, с нетерпением ждали нашего прибытия – особенно армяне, – и наверняка они должны послать тайных агентов, чтобы предложить какой-нибудь план и помочь нам выбраться отсюда.

Но час шел за часом, а никаких признаков помощи не предвиделось, и надеяться на кого-либо с той стороны было явно бесполезно. Мой дальнейший опыт научил меня, что эти люди с радостью просят о помощи, но, попросив, сидят сложа руки и ждут, а когда помощь приходит, радостно приветствуют вас и восклицают: «Теперь мы предоставляем вам полную свободу действий, давайте действуйте, а мы посидим и посмотрим, насколько хорошо у вас это получится!» Именно так и вышло, когда примерно через полгода мы наконец добрались до Баку.

Я просидел почти всю ночь, оценивая собранную за день информацию и взвешивая плюсы и минусы каждого возможного решения.

Мы можем поступить следующим образом: захватить пароход и рискнуть прорваться мимо канонерки. Я знал способ, который редко терпит неудачу. Я полагал, что у нас есть большая доля уверенности в успешности этого плана, чтобы оправдать его попытку, однако она сводилась на нет тем фактом, что, поскольку пароход мог взять на борт не более десяти фургонов, тридцать один пришлось бы оставить, чтобы они попали в руки большевиков, а мой отряд ожидал бы «теплый прием» от большевиков Баку, извещенных по радио о нашем предстоящем прибытии. И наконец, в самом лучшем случае мы высадились бы на Кавказе, оставив дорогу, по которой, как мы надеялись, прибудет остальная часть отряда, в руках весьма раздраженного врага, который позаботится о том, чтобы никакие другие группы больше не прорвались. При таких обстоятельствах наше положение в Баку или Тифлисе оказалось бы просто позорным.

Полковник Пайк находился в Тифлисе в качестве военного атташе и с нетерпением ждал нашего прибытия, но нельзя было ожидать, что он сможет сделать все, чтобы помочь нам, поскольку, пока мы не доберемся до него, его собственное положение выглядело довольно

отчаянным. Капитан Голдсмит сейчас тоже должен был находиться там, но у него не имелось связи с нами из-за отсутствия коммуникаций.

Следующий план, который следовало рассмотреть, состоял в возможности остаться в Энзели, установить дружеские отношения с местным правительством и при помощи лести подтолкнуть его к улучшению отношений с нами. Риски, связанные с этим планом, были слишком велики. Совокупная враждебность персов и большевиков, несомненно, однажды вспыхнет ярким пламенем, те или другие наконец наберутся смелости испытать нас на прочность и обнаружат, что на самом деле мы не так уж сильны – скорее слабы. Более того, слухи о том, что при нас имеются большие запасы золота, сделали бы такую попытку еще более заманчивой.

Товарищ Челяпин сам предложил другой план, согласно которому мы должны в письменной форме официально признать большевистское правительство (наше непризнание является главной причиной их враждебности) и отправиться в Баку под покровительством большевиков, предоставив им руководство нашими дальнейшими действиями. По сути, это означало стать большевиками. Он предложил телеграфировать в Баку на этих условиях, хотя и не ожидал согласия.

У меня не имелось особых возражений против того, чтобы стать большевиком, но принятие большевистской программы непротивления захватчику довольно сильно шло вразрез с моей классовой принадлежностью. Челяпин также предположил, что тифлисское предприятие проиграно, и если бы мы связали свою судьбу с большевиками, то были бы гораздо полезнее, действуя под руководством Москвы. И все это он произнес абсолютно серьезно!

Итогом моих полуночных размышлений стало решение пока не поздно покинуть Энзели, прорваться по Рештской дороге сквозь боевые порядки Кучек-хана, вернуться в Персию, созвать вторую часть нашего отряда и ждать благоприятной возможности возобновить попытку.

Вдоль всей дороги от Энзели проходит линия телефонной связи с персидскими операторами, и я вряд ли мог надеяться дозвониться до Манджиля без того, чтобы мое передвижение осталось незамеченным, но нам все же стоило рискнуть.

В соответствии с этим решением рано утром 19-го числа я отправил в революционный комитет сообщение с просьбой собраться в 11 часов утра и разрешить мне обратиться к ним с некоторыми замечаниями.

В назначенный час мы с капитаном Сондерсом прибыли в зал заседаний, и нас провели туда с той же церемонией, что и прежде. Единственное отличие в этом случае состояло в том, что улыбки теперь были хмурыми, а устрашающую охрану значительно увеличили в числе, и выглядела она весьма впечатляюще.

Я открыл дискуссию, заявив, что хотел бы, наконец, узнать, изменил ли комитет свое мнение и готов ли оказать нам всю доступную ему помощь, или же он придерживается своего прежнего неблагоприятного решения мешать нам. Ответ был совершенно единодушным в пользу последнего предположения. Затем я попросил разрешения поговорить с Челяпиным наедине и, получив такое разрешение, удалился с ним в отдельную комнату, где мы были настолько одни, насколько это вообще позволено революционерам. «Никому не доверяй» – вполне здравый девиз всех революций.

Я сообщил ему, что сожалею о своей неспособности принять предложение большевиков, что я не желаю кровопролития, которое стало бы естественным результатом любых усилий с его стороны помешать нашему продвижению вперед, что его красноречие вполне убедило меня и поэтому я решил вывести свой отряд из города. Я горячо поздравил его с превосходным управлением городом и дал ему понять, что считаю его равным себе. Затем попросил и получил подписанный приказ на все необходимое мне горючее и, попросив комитет сохранить мой предполагаемый отъезд в тайне, покинул собрание.

Делая такие комплименты товарищу Челяпину, я несколько не преувеличивал. Я сочувствовал сложности его положения, стремлению вести дела управления без опыта и без образования и хотел бы отметить тот факт, что, по моему мнению, он очень хорошо справлялся с поддержанием подобия законности и порядка среди хаоса революции. Во всяком случае, я всегда буду благодарен ему за бензин.

Несмотря на мою просьбу сохранить все в тайне, известие о нашем предстоящем отъезде начало просачиваться наружу, и я, конечно, знал, что так оно и будет, поэтому было бы очень хорошо связаться с Рештом до того, как Кучек-хан успеет все обдумать и принять меры по поводу телефонного сообщения, вероятно уже полученного им. Поэтому я распорядился выехать завтра пораньше, и после превосходного обеда, во время которого консервированная говядина оказалась полностью отодвинута в тень свежей рыбой и икрой, мы легли спать.

Глава 4. Мы возвращаемся в Хамадан

Все имеют склонность менять свое мнение, а революционеры в особенности. Поэтому ночь 19 февраля прошла очень тревожно, поскольку, хоть Челябин и дал согласие на наш отъезд и снабдил нас бензином, многие сочли бы, что жаль отпускать англичан со всеми их мешками золота, а само количество золота, несомненно, сильно преувеличивалось. Поэтому я решил выступить как можно раньше.

Задолго до рассвета 20 февраля машины тихо вывели и загрузили, и вскоре мы тронулись в путь; когда рассвело, находились уже в нескольких милях по дороге на Манджилъ и были готовы во второй раз подвергнуться испытаниям страны дженгелийцев. День выдался пасмурным и дождливым, и безрадостная погода соответствовала нашему настроению, которое, не будучи унылым, определенно было столь же безрадостным, как небо. Оставалось только надеяться на появление новых возможностей и перспективу дальнейшего успеха, но ничто не могло компенсировать тот факт, что мы полностью провалили поставленную задачу и возвращались назад по собственным следам.

На данный момент стычка с дженгелийцами казалась неизбежной; трудно предположить, будто они позволят нам вернуться через свою страну с драгоценным грузом золота и серебра, и, проезжая через Решт, мы были готовы встретить сопротивление. Но и в этот раз никаких попыток к нему не предпринималось, хмурые взгляды становились все свирепее, а случайно встреченный вояка многозначительно постукивал по кобуре своего маузера, но этим и ограничивался.

Мы уже привыкли к бесшабашной русской привычке стрелять во все, что попадалось по дороге, и большую часть ночи развлекаться пальбой, поскольку с момента нашего прибытия в Хамадан это стало делом обычным; но сейчас нам оставалось только гадать, означали ли звуки стрельбы, которые мы теперь слышали впереди, обычную стрельбу по изоляторам и воронам, или же действительно против нас что-то затевалось.

Очень многое зависело от автомобилей, которые пробежали уже около 700 миль от Багдада – по плохим дорогам и без надлежащего ремонта; однако они прекрасно себя показали и серьезных поломок не возникало. Трехчасовая остановка для ремонта, с которыми нам часто приходилось мириться позднее, поставила бы нас в крайне неудобное положение в лесистой местности.

До Манджиля мы добрались к 5.30 вечера, где снова отдыхали на почтовой станции с броской рекламой.

В 6 часов утра 21 февраля мы выехали в Казвин, но день выдался неудачным, и мы прибыли в город только на следующий день. Машины двигались на пределе возможностей, часто случались поломки. Прежде чем мы, покинув деревню, скрылись из виду, пришлось сделать двухчасовую остановку: это значительно сократило наш день, но мы надеялись, что нам повезет наверстать упущенное, и весьма успешно справлялись с этим до полудня, пока вторая остановка на три с половиной часа не лишила нас всякой надежды добраться до Казвина в тот же день.

Погода стояла прекрасная, и сегодня, казалось, не стоило торопиться с преодолением перевала. Водители устали, и мы вполне могли бы переночевать в деревне Биканди на этой стороне, а завтра совершить совсем короткий пробег до Казвина. Мне очень хотелось так и поступить, но, к счастью, я отказался от этого плана. Мы поднажали и миновали перевал на закате, а еще через две мили наткнулись на добротный караван-сарай, послуживший нам отличным убежищем на ночь.

Ночью в погоде произошла та же поразительная перемена, какую мы испытали в Асадабаде. Проснувшись, мы обнаружили, что все вокруг засыпано снегом, а свирепая метель разыг-

ралась не на шутку. Останься мы прошлой ночью на той стороне перевала, то задержка могла бы обернуться неделей. Как бы то ни было, расстояние до Казвина составляло всего 20 миль, и дорога, когда ее можно было отыскать в снегу, оказалась вполне проходимой. Ехать было трудно из-за замерзших рук и залепленного снежными хлопьями лобового стекла, но к полудню мы добрались до места без особых приключений и были рады оказаться на теплых квартирах.

Когда мы проходили через Казвин на пути к морю, жители города не выказывали нам особого дружелюбия; поэтому маловероятно, что теперь они проявят большее гостеприимство. Не приходилось сомневаться, что в городе нас вряд ли ожидает приятное времяпровождение, к тому же там будет слишком оживленно для нашего постоянного отдыха. По этой причине я выбрал Хамадан, где мы могли бы занять надежную оборонительную позицию на возвышенности за пределами города, откуда связь с Багдадом обеспечивалась бы через русскую радиостанцию.

Прежде чем пуститься в путь по узким и грязным дорогам города, я остановил колонну за виноградником рядом с главными воротами, чтобы дать всем машинам возможность подтянуться и достойно войти в город. В этот момент нас приветствовала внезапная вспышка коротких выстрелов и звук пуль, свистящих так близко, как только может быть нацелена персидская пуля. Но, как оказалось, это были не враждебные, а дружественные пули; из-за угла по снегу медленно выехала набитая русскими солдатами большая повозка, пассажиры которой с несколько большим, чем обычно, энтузиазмом предавались своему любимому развлечению – салюту из винтовок.

Мы проследовали через город до британского консульства, где мистер Гудвин снова принял все меры для комфортного расквартирования солдат и офицеров.

Наше прибытие вызвало в городе настоящий переполох. Приходили сообщения, будто Кучек-хан задержал нас в Реште и позволил нам вернуться лишь по доброте душевной – предварительно освободив нас от казны и ценных грузов. Естественно, мы считались стороной побежденной, и стремление уничтожить нас оказалось более напористым, чем когда-либо.

Не следует забывать, что в то время вся Северная Персия была битком набита оружием и боеприпасами, и любая толпа могла бы оказаться толпой, вооруженной русскими, турецкими и английскими винтовками; так что, стоило им набраться храбрости, чтобы перейти от слов к делу, и нам досталось бы не на шутку. В мечетях проводились митинги, а на стенах домов вывешивались подстрекательские плакаты.

На следующий день, 23 февраля, в Казвине мы провели полный и тщательный ремонт автомобилей. Необходимо было продолжить путь, но машины оказались к нему не готовы. В течение этого дня вчерашнее враждебное настроение только усилилось, и теперь толпе требовался только вождь, которого они, к счастью, не смогли найти – много болтунов при дефиците лидеров.

Теперь у меня появилась возможность отправить домой сообщение о последних событиях по индоевропейской телеграфной линии, проходящей через Казвин. В Энзели я не мог этого сделать, поскольку там имелась лишь русская радиостанция, которую, естественно, не предоставили в наше распоряжение.

Я телеграфировал о том, что миссии не удалось выбраться за пределы Энзели и что мы смогли уйти оттуда только по счастливой случайности; что было бы бесполезно предпринимать какие-либо дальнейшие попытки достичь Энзели, пока мы либо не откроем боевые действия, либо не придем к соглашению с Кучек-ханом.

В Казвине я получил официальное сообщение от Кучек-хана, что его войскам отдан приказ атаковать колонну, в случае если будет предпринята попытка повторить эксперимент прохождения через его страну. Нам также стало известно о заговоре, провал которого объяснял то, что нас беспрепятственно пропустили во время предыдущего продвижения. Судя по всему,

дженгелийцы решили устроить засаду на колонну по дороге, но опасались, как бы русские войска, марширующие нескончаемым потоком, не встали на нашу сторону и не выступили бы в качестве подкрепления. Поэтому они обратились к русским властям с просьбой о невмешательстве. Есть основания полагать, что русские сильно затянули с ответом и, в итоге, отказались дать требуемую гарантию. Несмотря на то что, с большевистской точки зрения, мы уже не являлись их союзниками, любое другое решение выглядело бы бесчестным, и мы должны быть благодарны, что даже революционные солдаты повели себя в этом деле как «белые люди» и отказались участвовать в подобном предательстве. Комитет Энзели был склонен позволить дженгелийцам действовать на их собственное усмотрение, однако войска на дороге выступили против этого.

Мне также пришло интересное сообщение, что в Энзели прибыл значительный отряд Красной гвардии из Баку, как раз накануне нашего отъезда. Этим, вероятно, и объясняется та пылкость, с которой Челяпин просил нас остаться еще на один день в качестве гостей, дабы иметь возможность получить ответ на некое послание, в котором он спрашивал разрешения позволить нам продолжить свой путь.

Красногвардейцы должны были выполнить задачу, которую комитет Энзели боялся взять на себя, – захват британской миссии.

В течение 23 февраля никакого восстания не произошло. Ночь оживлялась непрерывной пальбой, но это было лишь обычное выражение русской удали, хотя и звучало так, словно шел ожесточенный бой.

В 8 часов утра 24-го числа наша процессия снова двинулась по улицам Казвина с грозным броневым автомобилем в качестве арьергарда, и вскоре мы уже катили по настоящей добротной дороге, наслаждаясь прекрасной погодой. Мы добрались до Аве в четыре часа пополудни, где разделили маленькую грязную почтовую станцию с несколькими казаками. На следующий день мы перебрались по глубокому снегу через перевал Султан-Булак, но, как и прежде, по хорошей, расчищенной среди сугробов дороге, и к вечеру достигли Хамадана.

Здесь мы разместили солдат в удобных помещениях для постоя на территории американской миссии, тогда как для офицеров нашлось два бунгало по соседству. Мы с полковником Дунканом и капитаном Даннингом разместились в здании банка неподалеку от построек миссии. Таким образом, мы весьма удобно устроились в плане обороны – машины, солдаты и офицеры находились в непосредственной близости друг к другу и были готовы собраться в любой момент.

Древний город Хамадан, или Экбатана, город-сокровищница Ахеменидов⁸, расположен на северных склонах хребта Эльвенд, самая высокая вершина которого достигает 11 900 футов. Нижняя часть города находится на высоте 6500 футов над уровнем моря, а иностранное поселение, которое я выбрал для нашей дислокации, находится примерно на высоте 7000 футов, что зимой означает нечто вроде арктического климата. Лучшего положения трудно себе вообразить: участок безопасен, дает полный обзор города, а в стекающих с горного склона ручьях полно воды, которую можно использовать, не опасаясь того, что она загрязнена.

Сам город совершенно неинтересен, дома здесь вполне обычного типа для Персии и Северной Индии – те, что побогаче, сложены из кирпича и окружены глинобитными стенами, а победнее – из высушенных на солнце кирпичей. Несколько древних куполов с остатками цветной черепицы скрашивают общую унылость города; это либо мечети, либо гробницы, среди последних – гробницы Есфири и Мардохея⁹. На востоке раскинулся большой курган, на кото-

---

⁸ **Ахемениды** – династия царей Древней Персии. Ведет начало от Ахемена, вождя союза персидских племен. Потомок Ахемена Кир II Великий, правивший в Парсе и Аншане, основал огромную Персидскую империю, объединившую большинство стран Ближнего и Среднего Востока.

⁹ Двоюродный брат и опекун Есфири, еврей Мардохей жил в Сузах, столице Персии. Есфирь стала персидской царицей. Мардохей узнал о заговоре, целью которого было истребление всех евреев, и убедил Есфирь вступить за свой народ перед

ром, как предполагают, находился древний дворец, от которого теперь не осталось и следа. На самом деле трудно отыскать какой-либо город, обладавший бы хотя бы половиной истории Хамадана, но сохранивший меньшее количество реликвий своей былой славы. Он был захвачен и разграблен Александром Македонским и стал ареной его самых диких оргий. По-видимому, последующие завоеватели крайне эффективно уничтожали все следы чудесных зданий, вероятно описанных в древних записях с изрядным преувеличением. Единственным остатком былой славы является каменный лев, который лежит в полях в нескольких сотнях ярдов от северо-восточной окраины города – часть скульптуры, которая, возможно, стояла у одного из бывших входов. Предполагается, что этот лев обладает всеми видами магических качеств, и к нему обращаются те, кому отказано в мужском потомстве или кто страдает от какой-то неизлечимой болезни.

Мне хотелось бы процитировать здесь стих из поэмы Клинтона Сколларда о Хамадане, который я скопировал из книги о путешествиях в Персию, находящейся в распоряжении американской миссии.

Ничего от блестящего прошлого,
Ничего от богатой и бескрайней
Жизни, что будоражила и пульсировала,
Со всеми радостями и страданиями, не осталось,
Кроме лежащего Льва одинокого –
Безмолвного воспоминания в камне
О трех павших империях,
Мидийской, Персидской, Парфянской,
Вокруг стен Хамадана.

Через центр города протекает горный поток, оживляя унылые окрестности и одновременно обеспечивая жителей водой и дренажным каналом.

Хамадан имеет огромное торговое значение, известное, помимо прочего, своим кожевенным производством и ковроткачеством. Население составляет около 60 000 человек, включая значительную долю евреев и армян. Население района частично турецкого происхождения, по крайней мере половина относится к турецкой народности карагёзлу, а в деревнях говорят больше на турецком языке, чем на персидском.

Город окружен возделанными полями и очень красив весной, когда всходят посевы пшеницы и цветут фруктовые деревья. Из нашего жилища открывался вид на равнину, которая простирается на 50 миль на север, до перевала Султан-Булак.

Выбранное нами место идеально с военной точки зрения. Когда здесь останавливались турки, они также выбрали его, и дом, который теперь служил мне штаб-квартирой, год назад принадлежал им. Нужно отметить, что турки нанесли банковскому дому весьма ощутимый ущерб.

На данный момент изначальный план полностью рухнул, и нам необходимо было сориентироваться и подумать, что еще можно предпринять, чтобы помешать осуществиться планам турок в этих регионах.

Прежде всего не вызывало сомнения, что, оставаясь на месте – если бы нам удалось продержаться, – мы могли бы помешать многочисленным турецким и немецким агентам, действовавшим в этой части Персии, одновременно ожидая перемены ситуации, которая позволила бы нам предпринять еще один бросок на Кавказ. Между тем персидская внутренняя обстановка оставалась очень напряженной и требовала пристального внимания. В любом случае,

поскольку снег теперь шел почти ежедневно, все перевалы оказались полностью заблокированными, и о каких-либо попытках передвижения не приходилось и думать; мы были совершенно отрезаны от Багдада, и никакой возможности добраться до нас не оставалось. Русский отряд с боеприпасами, груженными на выучный транспорт, потерял шесть человек и тридцать животных замерзшими насмерть на Асадабадском перевале, который мы преодолели две недели назад, и было очевидно, что нас ждет долгий период ненастной погоды.

Мне удалось связаться с Багдадом по русской радиостанции, а оттуда с Лондоном, и я получил инструкции оставаться на месте, следить за ситуацией в Персии и двигаться вперед, если такая возможность представится.

Далее следовало подумать, нет ли других путей, по которым мы могли бы попасть на Кавказ. Другой единственно возможный маршрут – из Казвина через Тебриз и Джульфу, откуда мы могли добраться до железной дороги на Тифлис. Расстояние от Казвина до Тебриза составляет более 300 миль, зимой дорога непроходима для автомобилей и тянется через земли народа шахсаван, а также дженгелийцев на нашем правом фланге. Взвешивая все за и против, приходили к выводу, что нет никакой возможности предпринять попытку передвижения по этой дороге с какой-либо перспективой успеха.

Теперь, когда Персия находилась на грани крайне серьезных внутренних потрясений, возникала крайняя необходимость в войсках, но до тех пор, пока длилась суровая зима, не было возможности должным образом снарядить и доставить людей по дороге, по которой пришли мы. Так что мы были вынуждены оставаться на месте и довести свой блеф до конца.

В глазах персов мы всегда выглядели сильнее, чем были на самом деле. Один только вид броневика внушал благоговейный трепет, а сорок одна машина, вероятно, заключала в себе какое-то страшное оружие. Сорок один водитель тоже выглядел весьма внушительно – персам и в голову не приходило, что военная подготовка наших водителей едва ли выходила за рамки технического знания автомобилей. Но эти ребята заслуживают всяческих похвал, которыми я могу наградить их. Возглавляемые двумя сержантами, Харрисом и Уотсоном, они творили чудеса и никогда не роптали даже при самых тяжелых обстоятельствах.

Ситуация и меры, принятые для ее решения, выглядят следующим образом.

Вполне естественно, персидское правительство заняло выжидательную позицию и склонялось скорее на сторону немцев, чья пропаганда и кажущиеся заманчивыми военные новости очаровывали жителей Тегерана. Тегеран по-прежнему сохранял нейтралитет – как на практике, так и в теории. В то время как турки и русские свободно использовали дорогу Казвин – Керманшах в качестве поля боя, заповедный Тегеран оставался нетронутым. Рядом с британским посольством на ветру гордо развевались флаги турецкого и немецкого посольств, и турки имели полную свободу действий для своей пропаганды и интриг. Немцы, однако, несмотря на законы нейтралитета, казалось, не считали персидскую столицу безопасным местом для проживания, и, хотя над зданием развевался флаг, само посольство было фактически закрыто.

Движение Кучек-хана также испытывало расцвет. То, что нас оставили в покое, можно было связать с его деятельностью, и его авторитет должным образом вырос. Его программа реформ подходила всем – как серьезным демократам, так и обычному бунтарскому элементу, желающему любых перемен, приносящих беспорядок и перспективы грабежа. У Кучек-хана имелись сочувствующие ему в самом кабинете министров, в Казвине, а также в Хамадане и во всех других крупных городах находилось множество его агентов. Его провозгласили спасителем Персии, который собирался изгнать иностранцев и вернуть золотой век. Ко всему этому добавлялось то, что в воздухе витал дух большевизма, а микроб революции распространялся по всем народам мира: вряд ли Персии удастся от него спастись. Казалось, что наглядный урок, преподнесенный русскими войсками, послужил бы сдерживающим фактором, но он, по-видимому, возымел противоположный эффект.

Поэтому совершенно очевидно, что Кучек-хану оставалось только поднять знамя, двинуться на Казвин, а оттуда на Тегеран и установить в Персии революционное правление. Если бы он ударил сейчас, то, имея на своей стороне всех ведущих чиновников, а также большую часть населения, успеха достиг несомненно. Момент самый что ни на есть подходящий, но стояла плохая погода, и к тому времени, когда он в конце концов решил выступить, мы оказались способны поставить ему мат. За ним стояла очень мощная движущая сила в лице германских и турецких агентов и «Османского общества единения и прогресса»¹⁰, против которого Кучек-хан ничего не имел, но он упустил удобный момент, и Персия была спасена. Интересные подробности его движения мы рассмотрим в следующей главе.

На мое положение движение дженгелийцев влияло настолько сильно, что, оказавшись оно успешным, мы, несомненно, попали бы в число нежелательных иностранцев, от которых необходимо избавиться, и немало сочувствующих в городе Хамадане должно будет считать своим долгом выказать этому поддержку, незамедлительно избавившись от нас. Но любые планы нашей прямой ликвидации, как обычно, отложили ради более захватывающего, но менее эффективного метода заговора и интриг, против чего мы обладали большей стойкостью, чем против пуля.

Первым шагом для обеспечения нашей собственной безопасности и ради очень ценной для дела союзников помощи стало создание надежной разведывательной системы. Ее тут же привели в действие под началом капитана Сондерса, и она достигла весьма значительных результатов. Вряд ли можно было лучше проделать работу, чем это сделали офицеры разведывательного отдела, и нельзя воздать им большей похвалы, чем та, что содержится в следующем отрывке из перехваченного письма, написанного одним из многочисленных заговорщиков: «Англичанин слышит даже, как мы шепчем». Через своих агентов мы все время имели полную осведомленность об общей обстановке в Персии, местной обстановке в Хамадане и о силах и положении ближайших турецких подразделений. Нам также удалось в конце концов полностью воспрепятствовать всем передвижениям шпионов на участке между Казвином и Керманшахом, и в расставленные нами сети попало несколько крупных рыб. Что касается местной разведки, то нам удалось установить точную степень сотрудничества с вражескими агентами каждого влиятельного человека в округе, а знание такого рода – это сила в буквальном смысле слова.

Следовало также попытаться связаться с полковником Пайком и капитаном Голдсмитом в Тифлисе, и для этой цели мы отправляли специальных курьеров, однако все наши усилия установить связь с Тифлисом потерпели неудачу.

Из числа самих персов мы завербовали немногих, но очень надежных агентов. Эти люди работали за деньги, но сами по себе деньги не дали бы результата; они искренне связали с нами свою судьбу, и по крайней мере один из них оказался самым храбрым человеком, какого я когда-либо встречал, – он рисковал своей жизнью ради чистого удовольствия, и никакие опасности и угрозы не мешали ему следовать за своей путеводной звездой. Русские все еще занимали Хамадан; ими был полон весь город, и сну жителей сильно мешала их бесшабашная приверженность ночной пальбе. Штаб-квартира русских находилась на небольшом летнем курорте Шеверина, примерно в 3 милях отсюда, и их перспектива покинуть данный район казалась очень отдаленной.

---

¹⁰ «Османское общество единения и прогресса» – политическая партия турецких националистических революционеров, младотурок. Основана 21 мая 1889 г. под названием «Общество османского единства». Позже объединилась с парижской группой младотурок и была переименована в «Османское общество единения и прогресса». Основные цели – смещение режима личной власти султана Абдул-Хамида II, восстановление конституции 1876 г., созыв парламента и последующая националистическая унификация Османской империи на пантюркистской основе. В результате вооруженного переворота 23 июля 1908 г. была провозглашена конституция, общество пришло к власти и затем было преобразовано в партию.

Командовал ими генерал Баратов, а начальником штаба был генерал Ласточкин, и мы искренне сочувствовали этим офицерам в их трудной задаче по управлению войсками, позабывшими о дисциплине, всякая перспектива восстановления которой исчезла с тех пор, как офицерам запретили носить какие-либо знаки различия. Бичерахов все еще стоял в Керманшахе, но небольшой отряд его людей находился и здесь и представлял собой единственное подразделение, которое имело хоть какое-то уважение к закону и порядку.

Среди других вопросов, требующих внимания, стояла проблема снабжения. Наши собственные потребности были значительны, и мы должны были быть готовы к любому количеству войск, которые позднее могли прислать в нашу дислокацию. Учитывая царивший в округе ужасный голод, достигший в данный момент пика, я не хотел забирать провиант у сельских жителей, поскольку это еще больше уменьшило бы запасы, доступные голодающим. Но вскоре мы получили точные разведданные по вопросу продовольствия и обнаружили, что зерна и фуража хоть и не в изобилии, но достаточно для всех, и их придерживали исключительно ради поддержания более высоких цен. Однако, к сожалению, в результате наших небольших закупок цены поднялись еще выше, а каждый, даже незначительный их рост, означал гибель многих людей. Только должным образом отрегулированная система контроля за пшеницей смогла бы навести порядок в этих делах, и в настоящее время мы не обладали достаточной силой, чтобы навязать свои взгляды по этому вопросу, но позднее, когда в качестве моего заместителя в Хамадан прибыл бригадный генерал Байрон, нам удалось принять необходимые меры. Генерал Байрон задержался в Хамадане надолго, и ему удалось справиться с голодом и контролем над пшеницей, что значительно повысило нашу популярность.

Поскольку не представлялось возможным предугадать, как долго мы пробудем в Хамадане или вообще в Северной Персии, необходимо было без лишней суеты заняться языком и познакомиться с чиновниками и народом. Те из нас, кто хоть поверхностно знал персидский, вскоре смогли улучшить свое произношение, а те, кто не знал совсем, начали брать уроки.

Визиты к различным чиновникам и землевладельцам оказались весьма интересными и поучительными. Главными должностными лицами в персидском городе являются губернатор, заместитель губернатора, каргузар – чиновник, занимающийся иностранными делами, и начальник полиции. В Хамадане также имелся специальный чиновник, назначенный в связи с ликвидацией российских долгов. Чиновником, назначенным на эту должность во время нашего пребывания в Хамадане, был Хаджи Саад эс-Султа ни, весьма просвещенный перс, много путешествовавший и чьему обществу я обязан многими приятными и поучительными часами бесед.

В Персии все влиятельные люди известны по титулам, и настоящие их имена редко известны даже их знакомым. Это затрудняет отслеживание людей, поскольку титулы часто меняются, и их названия не имеют никакого отношения к характеру занятий. Таким образом, дворянин благородного происхождения, носящий титул «предводитель армии», не имеет ни малейшего отношения к какой-либо военной деятельности. «Правитель королевства» – ярко выраженный демократ, «глава над всеми» – скромный человек, не представляющий собой ничего значимого, а один из самых тупоголовых неграмотных типов, которых я когда-либо встречал, звался «океан знаний».

Через несколько дней после нашего прибытия в Хамадан мы принялись заводить знакомства среди местных жителей. Естественно, сыграли в футбол – куда без него, – и люди смогли немного расслабиться и размяться. Персы охотно включились в игру, которая благодаря присутствию здесь американской миссии была для них не совсем в новинку. Элегантные сюртуки с длинными фалдами, которые они носят, выглядели на футбольном поле довольно странно. Сюртук, безусловно, куда элегантнее, чем вязаный свитер для игры в футбол, и любой, кто видел, как фалды персидского сюртука развеваются на ветру, когда его обладатель буквально летит, поймет, что между ними нет никакого сравнения. Мальчики, находившиеся под влия-

нием миссионерской школы, обычно одевались более подходящим образом, но менее живописно.

Казалось, что у водителей с избытком свободного времени для футбола, поскольку в течение ближайшего времени для автомобилей не предвидится особых шансов на выезд. Мало того что перевалы оказались полностью перекрыты, так еще встал ребром вопрос о бензине. Теперь в снабжении мы полностью полагались на русских. Генерал Баратов очень хотел нам помочь и принял меры, чтобы обеспечить достаточными поставками, но с перекрытыми дорогами и подчиненными, отбившимися от дисциплины, бензин прибывал редко. Определенное количество топлива всегда можно было купить в городе, и мы брали его в запас, приобретая по самым непомерным расценкам. Этот бензин попадал на базары через русских водителей, которые приумножали свои скромные доходы, сбывая туда часть своих грузов.

Наши первые попытки установить дружеские отношения с жителями оказались не совсем удачными. Естественно, перспективы нашего успеха в этом направлении вызвали антибританские поползновения со стороны некоторых местных чиновников. Губернатор и все влиятельные люди города не жалели средств, дабы настроить народ против нас; в то время как политики всех оттенков – крайние демократы, умеренные демократы и социал-демократы – проводили свои обычные митинги, понося нас и требуя нашего немедленного уничтожения.

Хотя мы пробыли в Хамадане всего несколько дней, людям сообщили, что рост цен на хлеб стал результатом наших закупок пшеницы (которые были до сих пор нулевыми), что мы являлись авангардом армии, и, если нас оставить в живых, придет армия, которая поглотит всю страну и учинит неслыханные зверства. Если же нас перебить, армия никогда не осмелится сюда сунуться. Я подумал, что стоит воспользоваться их же методом и посмотреть, каким будет эффект от печатного воззвания. Поэтому распорядился развесить в городе объявления следующего содержания: «Англичане находятся здесь в качестве временной меры и вовсе не намерены оставаться в этой части Персии, где наше присутствие необходимо лишь для противодействия туркам. Во всех странах мы в первую очередь заботимся о народе, и хорошо известно, что везде, где развевается британский флаг, он символизирует свободу, мир и процветание. Мы не закупаем пшеницу и стремимся помочь облегчить голод. Нынешние высокие цены объясняются не нашими закупками, которые мы до сих пор не совершали, а злонамеренным заговором демократов, которые запугивают торговцев зерном и пекарей, искусственно завышают цены, чтобы довести народ до истощения».

Это воззвание произвело значительный эффект в городе и способствовало дискредитации агитаторов. Не сильно уменьшила его положительное воздействие и контрпропаганда, состоявшая главным образом из оскорблений, но содержащая следующую забавную фразу: «Британский генерал заявляет, что он пришел принести мир и процветание. Разве мы просили его об этом? Пусть он оставит при себе свой мир и процветание, пока мы не потребуем этого. Персия представляет собой цивилизацию, которая находилась в расцвете задолго до того, как о британцах стало хоть что-то известно, и поэтому мы вряд ли многому можем научиться у них».

Не думаю, что этот слащавый призыв к патриотической гордости за свою древнюю цивилизацию интересовал людей хотя бы наполовину больше моего заявления, что наша политика намерена способствовать облегчению голода. Дело в том, что присутствие среди них солдата нового типа, который вел себя достойно и хорошо платил за купленные им товары, начинало склонять общественное мнение в нашу пользу, и чем больше такое отношение со стороны народа становилось очевидным, тем энергичнее демократы разрабатывали свои схемы и заговоры, дабы повернуть развитие событий против нас.

Через несколько дней перемена настроений в нашу пользу стала весьма заметна, и с помощью разведывательного отдела наше присутствие здесь стало выглядеть более благотворным в других случаях. Была организована целая система агентов и курьеров, охватывавшая весь

район от Хамадана до Кавказа, и вскоре мы смогли выследить, а позднее и эффективно разобратся с самыми непримиримыми из наших противников.

Между тем возник вопрос о наших остальных отрядах, собирающихся сейчас в Багдаде. Миссию официально назвали «Данстерфорс», и в Багдаде, а затем в Рузе создали лагерь «Данстерфорс» для размещения различных отрядов – до тех пор, пока не отдадут приказы относительно их дислокации. Неофициальное обозначение звучало как «Секретная армия».

Мне не терпелось получить еще одну партию офицеров, но мы еще не были вполне уверены в своем положении, а Багдад в тот момент не мог выделить для них автотранспорт. Я осознал всю глубину плачевного положения этих офицеров и солдат, прибывших с какого-либо театра активных военных действий, полных надежд на возможность великих свершений и вынужденных томиться в ожидании в месопотамском лагере; но пока все должно оставаться по-прежнему, и единственное, что им можно было делать, – это заниматься изучением персидского или русского языков – довольно скучное занятие для людей, в основном воинов, никогда не ожидавших, что их попросят стать полиглотами.

Ниже приводится выдержка из оценки ситуации, которую я отправил в то время:

«...Реальная комбинация, с которой мы столкнулись, – это не только большевики, но и панисламская программа объединения татар Баку¹¹ с дженгелийцами Энзели – очень сильное антибританское объединение, подкрепленное немецкими деньгами и немецкими офицерами. ...Что касается Тифлиса, то мы хотим помочь людям, которые не могут договориться между собой и, кажется, хотят не британского вмешательства, а только британских денег, не более того. Если бы для моей миссии имелась возможность попасть в Тифлис к осени 1917 года, я приложил бы все усилия для сближения двух христианских народов – грузин и армян, одновременно стараясь привести к согласию с ними и татар-мусульман. Только на этой основе можно добиться полного успеха.

Но что случилось за эти шесть месяцев? До сих пор между обеими сторонами религиозные разногласия не только не ослабли, но, наоборот, усилились, а отношение к татарам христианских общин привело первых к симпатии к туркам. Что касается ближайшего будущего, то нужно сначала дать успокоиться Персии и дженгелийцам, и дорога, по крайней мере до Южного Каспия, будет свободна...»

Для эффективной борьбы с дженгелийцами потребуются войска. Поскольку на данный момент у нас их здесь нет, Кучек-хан отказывался вступать в какие-либо переговоры. Как только войска появятся, ему придется либо сражаться, либо, что более вероятно, признать разумность обоюдного согласия.

---

¹¹ Кавказские татары – устаревший экзоэтноним собирательного характера, применявшийся в XIX – начале XX в. почти ко всем мусульманским народам Кавказа. В данном случае под **татарами Баку** подразумеваются азербайджанцы.

Глава 5. Призрачный альянс

К середине марта мы прочно обосновались в Хамадане на достаточно надежной основе. Прочность нашего положения значительно усиливала персидская страсть к преувеличению, что очень сильно склоняло чашу весов в нашу пользу. Нам посчастливилось увидеть большинство из телеграмм, которые передавались между различными должностными лицами и которые обычно содержали что-то в таком духе:

«От X – Z.

Почему вы не сообщили о численности британских войск в вашем районе? Вы не выполняете свою работу должным образом, и вас следует отстранить от нее».

«От Z – X.

Я делаю все возможное, чтобы получить информацию, но трудно выяснить, какие войска здесь находятся. Они не позволяют нам приближаться к своей дислокации».

«От X – Z.

Вы должны лично удостовериться и передать мне точную информацию. Я должен знать их количество. Вы должны подчиняться приказам».

Такое безапелляционное сообщение беспокоит и раздражает Z, который в пароксизме гнева позволяет себе следующее: «В соответствии с вашими приказами отправляю цифры, на которые можно положиться. У них здесь около 500 человек и двенадцать бронемашин, каждая из которых имеет по четыре больших орудия. Я видел все это своими глазами. Также у них имеется около 150 автомобилей».

Тогда Z, вероятно, улыбается про себя, представляя, как доволен X, получивший столь достоверную информацию.

Мы уже начали понемногу разъезжать по стране, и в разных городах можно было встретить небольшие группы с тремя или четырьмя фургонами «форд», результатом чего стали телеграммы, аналогичные вышеприведенной. Когда X стал складывать полученные от различных информаторов числа, наша группа из двенадцати офицеров, двух писарей, сорока одного водителя и одного броневика должна была вырасти до размеров армейского корпуса. По понятным причинам намеренно опускаю имена и официальные титулы авторов этих телеграмм.

Турки наверняка располагали лучшей информацией, но, вероятно, также сильно преувеличенной, и я не думаю, что они когда-либо могли подумать, что 240 миль дороги от Керманшаха до Казвина удерживали двенадцать офицеров и два писаря плюс броневик. Они находились так близко – например, в Шенни, всего в 100 милях от Хамадана, – что внезапное нападение на наш отряд было бы делом простым и, вероятно, успешным. Кроме того, кругом было полно местных турок, и их оказалось так много, что мы не могли принять меры по их аресту, поскольку у нас не имелось для них ни охраны, ни пайки. Парочку наиболее активных из них пришлось арестовать, но остальных оставили в покое. В большинстве случаев это были наши искренние доброжелатели, главным образом люди, недавно дезертировавшие из турецких частей на северо-западе или из армии, сражавшейся с русскими на этой дороге в 1916–1917 годах. Некоторые из последних поселились в деревнях как мирные жители, обзавелись семьями и занялись домашними делами.

Эвакуация русских пошла теперь немного быстрее, и вскоре у нас не осталось никого, кроме людей из отряда Бичерахова. Это поставило нас в гораздо более выгодное положение. Я в это время много общался с генералом Баратовым и его штабом, и нам предстояло обсудить множество вопросов, связанных с эвакуацией.

Нам предстояло решить два вопроса: один финансовый и другой о передаче имущества.

Я уже упоминал о генерале Баратове, командующем русской армией, которая на ранних этапах войны так много сделала для помощи делу союзников, противостоя туркам вдоль этой дороги через Северо-Западную Персию и смыкаясь с нашим правым флангом на турецко-персидской границе.

Сам генерал Баратов был родом с Кавказа, у него имелся дом в Тифлисе, и, естественно, он очень близко к сердцу принимал любой план, направленный на восстановление законности и порядка в этом регионе. Но во время революции те, кто прежде обладали наибольшим влиянием, становятся наименее влиятельными из всех, поскольку представляют тот самый класс, против которого восстал народ. Поэтому, чем более ценными были и могли быть его услуги для России и ее союзников в этой войне, тем настойчивее большевики требовали его крови; и комитет Энзели попросил меня передать ему вежливое сообщение, что, как только он появится в Энзели, они не преминут судить его военным судом (вердикт и приговор предрешены). При таких обстоятельствах я не мог ожидать от него никакой помощи, кроме советов.

Если бы имелась возможность воспользоваться его услугами на Кавказе, то он, несомненно, внес бы ценный вклад. Он был необычайно способным оратором и всегда пользовался чрезвычайной популярностью. В Северной Персии русские мало что сделали для того, чтобы расположить к себе население, но чувства дружбы и привязанности, с которыми генерал Баратов относился к людям, имевшим меньше всего причин любить его, свидетельствовали о его замечательном характере. В это время его особенно ненавидели революционеры – как одного из главных сторонников русско-британского Добровольческого корпуса, который они считали контрреволюционным движением. История этого корпуса кратко выглядит следующим образом.

Когда осенью 1917 года стало очевидно, что русские войска собираются эвакуировать свою часть линии фронта в Северной Персии, оставив брешь в 400 миль на правом фланге Месопотамской армии, возникла идея собрать из числа отступающих войск отряд добровольцев, которые продолжали бы служить под британским командованием и на британском жалованье, что избавило бы от необходимости посылать войска, которые с трудом мог выделить Багдад. Эти добровольцы были собраны под непосредственным командованием выдающегося русского офицера, полковника барона Медема, но эта затея с самого начала потерпела неудачу, и, когда я увидел этот отряд в феврале, у меня не возникло сомнения, что от них не будет никакой пользы.

Дело в том, что в России, находящейся в состоянии анархии, очень многие люди были бы рады оставаться на хорошо оплачиваемой службе до тех пор, пока перемена в ситуации не сделает их возвращение в свои дома более благоприятной перспективой, чем в настоящее время. Несомненно, эта схема выглядела привлекательно, и под командованием британских офицеров можно было бы собрать довольно большие силы. Однако было принято решение, что войсками должны командовать русские офицеры, что оказалось неприемлемым. Окончательный провал был связан с большевиками, которые объявили движение контрреволюционным и угрожали смертью всем, кто его поддерживал. Но для нас это не стало большой потерей.

Судя по некоторым экземплярам, которых мне довелось увидеть, я убежден, что эти войска в лучшем случае оказались бы совершенно бесполезными. Даже при британских офицерах надлежащую военную дисциплину вряд ли удалось бы восстановить, и солдаты, составлявшие войска, оказались бы всего лишь бездельниками, желавшими получать хорошее жалованье и избежать беспорядков в своей собственной стране, воздерживаясь при этом от риска собственной жизнью или выполнения каких-либо рискованных заданий ради «хитрых» англичан в Персии. Поэтому мы должны быть благодарны большевикам, которые пресекли в зародыше схему, при любых обстоятельствах обреченную на полный провал.

Много времени я также уделял обсуждению с генералом Баратовым вопроса оказания британцами помощи в расходах на русскую эвакуацию. Очевидно, что в общих интересах было бы без промедления вывести русские войска из Персии, и, поскольку у русских не имелось денег, было бы целесообразно предоставить им любую необходимую финансовую помощь. С этим согласились, и платежи тщательно контролировались местной комиссией, которую возглавлял мистер Макмюррей из Имперского банка.

Но еще оставался вопрос о русском долге, и на этот счет британское правительство оставалось непреклонно.

Для генерала Баратова лично положение сложилось явно неприятное, но вряд ли можно было ожидать, что мы могли позволить доводам сентиментального характера иметь какую-то силу.

Британское правительство предложило, под определенные гарантии, фиксированную сумму, подлежащую уплате в определенные периоды, которая рассчитывалась как разница между суммой, получаемой генералом Баратовым через определенные промежутки времени от тифлисского правительства, и фактическими расходами на эвакуацию. Тифлисское правительство не смогло внести свою долю, и русскому командующему пришлось восполнять дефицит выдачей платежных расписок вместо наличных денег. Эти бумажные обязательства теперь составляли значительную сумму, и генерал Баратов просил британское правительство взяться за их погашение не только ради того, чтобы очистить его личную совесть, но и для того, чтобы поддержать престиж европейца в Азии, что, по его мнению, сказывалось на доверии к британцам не меньше, чем к русским.

Его отчаянные призывы неизменно встречали категорические отказы, и каждый раз сообщать о таких отказах стало моей тягостной обязанностью.

Доводы, приводимые доблестным генералом, расплавили бы даже каменное сердце; но поскольку они не могли быть телеграфированы в полном объеме, сердце британского правительства оставалось совершенно нетронутым.

«Смотрите, Лев Львович, – говорил он, рисуя передо мной живописную аллегию, – на полу перед вами лежит мертвое тело. Чье это тело? Это труп России. Неужели у вас нет жалости к ней? Можете ли вы забыть, что этот друг, который сейчас лежит в ужасном смертельном оцепенении, спас вас и всех союзников в первый год войны? Из-за того, что мы впали в немилость, вы не принимаете во внимание наш прежний героизм? Вот вы стоите передо мной, друг России. Перед вами лежит, не обмытое и не погребенное, мертвое тело вашего друга. И вы хотите сказать, что даже не оплатите расходы на его похороны? Погашение расписок, которое я прошу у вашего правительства, – лишь для того, чтобы спасти вашего покойного друга от нищенского погребения!»

Однако противоположная сторона оставалась непоколебимой, и в конце концов платежные расписки погасили лишь частично и другими способами.

Еще одним вопросом, отнимавшим много времени, стала оплата русским принятого у них имущества. Мы были рады иметь все припасы и брали их без колебаний. Колесный транспорт, телеграфное оборудование и некоторые военные склады также представляли большую ценность. Но имелись и такие вещи, которые вряд ли можно было воспринимать всерьез. Среди таких отвергнутых предметов я привожу следующие примеры:

1. Оплата военной телеграфной линии от Хамадана до Энзели. Ответ: полностью разрушена и не представляет никакой ценности.

2. Покупка военных дорог, проложенных русской армией. Ответ: вопрос о дорогах, построенных в Персии, следует передать персидскому правительству. Сколько бы денег я ни заплатил за эти дороги, это не сделает меня их владельцем.

3. Закупка материала для мостов. Ответ: постоянные мосты уже построены, материал не требуется.

4. Русские собирались отремонтировать Асадабадскую дорогу и собрали у обочины много металла; купят ли его англичане? Ответ: Нет.

Затем, когда принималось решение о приобретении некоего имущества, возникал вопрос: «Кто его владелец?» Им оказывался генерал Баратов, представлявший тифлисское правительство, но имелись и другие владельцы, такие как Земский союз или благотворительная организация Красного Креста, которые не передавали ему свои права. Таким образом, зачастую обнаруживалось, что вещи, купленные нами у одного человека, принадлежали другому, и, когда последний выставял свои претензии, они выглядели весьма туманными.

Что касается некоторого оборудования для телеграфа, которое я договорился купить, обнаружилось, что по предыдущему соглашению они уже принадлежат Персидскому телеграфу, и пока мы с возможными правообладателями обсуждали этот вопрос, все забрала третья сторона, имевшая на то весьма сомнительные претензии, но мудро решившая, что обладатель имущества в спорных вопросах по закону на девять десятых прав, и одержавшая победу. Этот человек впоследствии показал мне документ, на котором основывались его претензии и который оказался всего лишь запиской, подписанной русским младшим лейтенантом и гласящей, что «предъявитель сего может забрать провода, если они ему нужны».

Переговоры с русскими и попытки установить благоразумные отношения с персидской общиной полностью занимали все наше время. Необходимо было также принять меры оборонительного характера, ввиду слухов, основанных на реальных намерениях напасть на миссию. Иногда это могли быть сами горожане, подстрекаемые политическими агитаторами, иногда – бродячие шайки головорезов, разбойничьи племена и профессиональные разбойники с большой дороги. Возможно, именно тот факт, что мы всегда оставались наготове – как днем, так и ночью, – помешал осуществлению этих кровавых планов. До тех пор, пока русские находились рядом с нами, они могли помочь нам в случае беды, но в равной степени не исключалось, что революционные солдаты могли поддаться искушению и присоединиться к другой программе, включавшей в себя, как и все порядочные программы, ограбление банка.

Погода стояла отвратительная, и этот фактор оказался скорее нам на руку, чем наоборот, провоцируя у потенциальных нападающих нежелание предпринимать свои действия по снегу, который шел непрерывно, затрудняя передвижение пешком и делая его невозможным на колесных транспортных средствах.

После обильного снегопада 16 марта погода на некоторое время прояснилась, позволив последним русским двинуться в путь, оставив только отряд Бичерахова в деревне Шеверин, в 3 милях от города.

Поскольку мои мысли все еще сосредотачивались на Кавказе, мне представлялось множество проектов, но ни один из них не предлагал приемлемых шансов на успех. Ко мне часто обращались отдельные русские офицеры, которые, побуждаемые желанием сделать что-то полезное для своей страны в ее отчаянном положении, предлагали планы, относившиеся скорей к области фантазий, чем к практическим возможностям.

Один из таких планов начинался с предложения британскому правительству выплатить единовременно 14 миллионов фунтов стерлингов и заканчивался восстановлением порядка на Кавказе и триумфальным въездом в Москву. Другие более скромные умы предлагали захватить канонерскую лодку на Каспии при помощи аэроплана, забывая при этом, что, когда самолет захватит канонерскую лодку, у последней больше не будет порта, чтобы зайти в него, и ей придется блуждать по Каспию, пока у нее не закончится горючее.

Вопрос нашего снабжения также оказался довольно сложным. Мне хотелось обеспечить не только наши собственные потребности, но и начать закладывать припасы для войск, которые через какое-то время должны двинуться по этой дороге. Но нам препятствовал голод, сопротивление местных чиновников и приказ правительства в Тегеране, гласящий, что британцы не

должны получать никакого снабжения. Еда, которую мы получали, оказалась вполне приличной, но не до такой степени, чтобы поддерживать британского солдата в форме. Мясо было достать нетрудно, хлеб в виде персидского «сангака», чем-то похожего на индийскую лепешку «чапати», приходилось покупать по высокой цене, свежих овощей не найти, и вместо них – сушеные инжир и абрикосы. Солдаты охотно поедали свои пайки, не особенно беспокоясь по этому поводу, поскольку в вопросах питания британский солдат совершенно неприхотлив. Однако персидский хлеб оказался слишком тяжел для их пищеварения, и они начали страдать от расстройства желудка, которое в конце концов стало бы серьезной проблемой, если бы нам наконец не удалось соорудить небольшую пекарню и выпекать вполне приличный хлеб. Эту пекарню мы построили из кое-каких подходящих материалов, которые приобрели у русских.

Теперь мы стали наращивать наши силы, приняв на службу нескольких русских офицеров – гарантированно честных и проявивших способности, – вырвавшихся из большевистского Баку. Они оказали нам неоценимую помощь в поддержании контакта с Баку, и двоих из них сразу же отправили с секретной миссией. Все те, кто поступил к нам на службу в это время, уже отличились на войне и не останавливались ни перед чем, дабы подтвердить свои заслуги; они отважно поддерживали свою репутацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.